

МЕСТЬ КНЯГИНИ СОФЬИ

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Проzorов

Местъ княгини Софыи

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Месть княгини Софьи / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2019 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-04-104295-0

Княгиня Софья не смогла пережить предательства возлюбленного — князя Звенигородского. Раскрыв правду о рождении их сына, он поставил под угрозу права Василия на московский трон. Слепая месть заставляет княжну забыть про чувства и сделать все, чтобы сохранить секрет. Сможет ли князь остановить Софью до того, как ее месть пройдет кровавой дорожкой по его роду и земле Русской, или сам падет жертвой коварных замыслов?

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104295-0

© Прозоров А. Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров

Месть княгини Софьи

Пролог

27 сентября 1433 года

Галичский тракт в сорока верстах от Юрьевца, близ реки Кузь

Небо над заволжскими лесами затянуло низкими, тяжелыми облаками, угрожающими вот-вот пролиться холодным осенним дождем. И затем наступит время долгой и нудной распутицы. Все дороги, кроме самых главных трактов, засыпанных песком и галькой, размокнут, превращаясь в липкую глиняную грязь, колеи наполнятся водой, болота поднимутся, затапливая низины, валежник в лесах намокнет, лишая путников топлива для костров, да и сами придорожные стоянки станут чавкающим месивом, в которое уже не приляжешь отдохнуть на мягкую шелестящую траву, мечтая о ночной встрече с нежной и прекрасной берегиней – каковые, по слухам, по сей день иногда навещают на отдыхе честных и добрых путников.

В такую погоду разумный человек предпочитает сидеть дома: готовить к зиме сани, набивать сеновалы и погреб да накрывать дранкой поленницы, спасая дрова от будущих ливней, а не в дальний путь отправляться.

Для путешествия, знамо, лучше дожидаться заморозков – когда грязь схватится, превращаясь в скользкий от ледяной корки твердый камень, а прочая земля хотя бы припухнет снегом, как бы приглашая на себя широкие полозья саней.

А коли еще немного терпения проявить, то лужи, болота, ручьи и вовсе покроются толстым прочным панцирем, заменяющим любые мосты и гати.

Вот тогда и настанет самое лучшее время для дальних поездок! Куда ни повернешь – ни ям тебе, ни грязи, ни топей. И даже вчерашние болота становятся ровной и гладкой дорогой.

Покуда же небеса дождями плачут – лучше дома сидеть да крапиву прошлогоднюю на нитки лущить. Нить крапивная хороша – не гниет, не тянется, не рвется. Для сетей и бредней – самое то...

И тем не менее в сие неурочное время по уже влажному от висящей в воздухе водяной пыли Галичскому тракту неспешным шагом двигались восемь всадников. Сабли на поясах, щиты и луки на крупах коней, толстая броня на теле и рогатины в седельных петлях выдавали вышедших в поход воинов. Трое ратников были в броне железной – один в кольчуге, а двое в чешуйчатых куяках¹. Остальные – в толстых, засаленных тегилях, крытых сукном, плотно набитых конским волосом и простеганных мягкой железной проволокой.

Сиречь: трое были детьми боярскими – причем не самыми знатными, судя по простеньким поясам, почти без украшений. Пятеро – обычными холопами.

И потому больше всего сей малый отряд напоминал обычный сторожевой разъезд.

Правда, для дозорных ратники вели себя не самым правильным образом. Щиты находились у них не в руках, а лежали на крупах коней, рогатины болтались возле стремени, шлемы висели на луках седла рядом с колчанами. И смотрели воины не столько по сторонам, сколько на упитанного бородача в кольчуге, каковой громко рассказывал:

– ...и вот покуда она Триглаве кланялась, к нам на подворье тесть с тещей прикатили. Ну, я, знамо, холопов послал баню топить, сам припасы привезенные в погреб перетаскал, покуда гости сундуки свои в дом относили. Когда бочонки перекачивал, на штаны рассолу

---

¹ Куяк – доспехи из железных пластин, нашитых на кожаную или матерчатую основу.

капустного набрызгал. Ну, и гости, сами понимаете, взмокли. Теща исподнюю рубаху свою стянула, потную-то, и на лавку бросила...

– Че, прямо при тебе, Велиша? – оживленно любопытствовал облаченный в куяк молодой воин с короткой темной бородой клинышком и с толстой войлочной тафьей на бритой голове.

– Та не-е, – отмахнулся воин. – Они с тестем париться ушли! Я же в опочивальню к ним заглянул... Ну, в смысле в горницу, в которую гостей на постой определил. Глянул хозяйским оком, чего там, как? Прибрано ли, хорошо ли, чего родне понадобится может? Тюфяков там принести, лавок добавить али еще чего потребно? Ну, а поелику един в доме остался, порты, рассолом залитые, скинул. И пояс снял. Ну, жарко, и мокрый весь! Но, как бы со всеми приличиями, без сраму. Рубаха-то до колен! Ничего лишнего не видать.

Прислушиваясь к рассказу, головные холопы приотстали, задние подтянулись, наострив уши и не отрывая глаз от боярского сына.

– Стало быть, выхожу я такой из гостевой опочивальни, – отер густые кучерявые усы воин, – без порток и пояса и вижу, как супруга моя тама в светелке стоит и на рубаху женскую смотрит. Я, стало быть, обрадовался и сказываю: «Как вовремя ты, милая, вернулась!» А она табуретку схватила и со всего замаха – тресь меня по башке! Скамейка аж на доски рассыпалась, а у меня перед глазами искры закружились. А ей мало! Она ножку в руке удержала – и ну меня ею охаживать, похабщину всякую выкрикивая! Я же понять никак не могу, что за бес в нее вселился?! Токмо прячусь. А она следом несется, да шустро-то как! Да деревяхой этой то промеж лопаток, то по голове, то по плечам, да при всем при том меня же еще и всячески поносит!

– Так дал бы ей под дых али в рожу! – не выдержал молодой ратник. – Она бы враз и успокоилась!

– Ага, конечно... – покачал головой третий воин с аккуратной окладистой бородой и короткими русыми волосами. – Жену по брюху кулаком! Коли супругу изувечишь, с кем потом век куковать? Со смоквой тоскливой и бесплодной? По лицу бить – и вовсе дурость последняя. Захочешь опосля приласкать да поцеловать, а перед тобой заместо милого личика перекошенное с синяком под глазом да челюстью набекрень. Не-е-ет, так поступать нельзя, неправильно. Меня еще по молодости, как медовый месяц миновал, волхв научил, что жену карать надобно со всем уважением. Во первую голову, позорить ее никак нельзя и потому наказывать надлежит в уединении, слуг всех прогнав и от детей подальше уведя. Во вторую голову, наказывать надобно не кулаком али еще какой штукой сдуру, а тоненьким ремешком, дабы вреда здоровью никакого не причинять². Увести в светелку дальнюю, возле лавки крепкой наклонить, юбки и рубаху исподнюю на спину ей задрать, так, чтобы повыше... Да-а... – воин замолк...

– Чего мычишь, Беролом? – не выдержал молодой. – Помогает?

– Да уж раз двадцать пытался, ни разу до ремня дело не дошло... – развел руками Беролом, и весь дозор отозвался оглушительным хохотом. Воин же повернулся к бородачу в кольчуге: – Так чего там далее было-то, боярин? Выбрался ты из сей передраги али забила тебя супружница до смерти?

– Э-э... – почесал тот в затылке. – О чем это я? А-а-а, да. В общем, чего там дурная баба себе удумала, я на тот миг еще не сообразил, и потому всерьез помыслил, что злой дух в нее вселился. А как духов изгоняют? Знамо, водою колодезной. Ну, я, от колотухи оберегаясь и супружницу покамест не трогая, через дом пробежал да во двор, и вниз, и к коновязи. Там аккурат бочка с водою стояла. Я до нее добегаю, наклонился, под палку поднырнул, жену на плечо поднял, да вниз головой в бочку сию и заметнул. Распрямляюсь, духа не успел перевести, – ан

---

² Домострой, гл. 42:5.

передо мною тесть с тещею стоят. Уграздило их, понимаешь, ужо попариться и не к месту на двор выйти! И взгляд у них у обоих таковой, я вам скажу, что словами не передать...

Двое передовых холопов повалились из седел молча, никто и понять ничего не успел. Рассказчик даже не прервался. Но уже через миг длинные стрелы с гранеными наконечниками ударили по боярским детям. Молодому воину одна из них пробила лоб, а другая – живот, Беролому сразу три впились в грудь и плечо, а четвертая попала прямо в горло.

Трое уцелевших всадников натянули поводья, торопливо поворачивая коней – но лучники, понятно, оказались быстрее, и стрелы с легким зловещим шелестом глубоко впились в тело, пробив пухлые стеганные халаты...

* * *

Спустя полтора часа двое запарившихся всадников, вырвавшись из тесной лесной дороги на небольшую поляну, осадили покрытых розовой пеной скакунов перед небольшим отрядом явно знатных людей, богато наряженных кто в алые плащи, крытые добротным индийским сукном, кто в тяжелые шубы, украшенные жемчугом и самоцветами, кто в войлочные подшлемники, а кто в соболя и бобровые шапки. Весь отряд сверкал дорогими перстнями на пальцах, ожерельями и цепями на шеях, и сидели все путники верхом на драгоценных туркестанских лошадях, каждая ценою в целый табун обычных скакунов...

Не иначе – князья родовитые али самые достойные бояре!

Сбив шапки перед князьями, оба всадника поклонились прямо из седел и почти одновременно выдохнули:

– Московская дружина впереди!

А затем уже по очереди добавили, снова кланяясь знатым людям:

– Княже... Княже...

– Москва? Откуда?! – переглянулись князья.

– Мы дозор ихний на переходе сбили! – спешно отчитался один из гонцов. – Стрелами посекали!

– Зачем же посекали?! – повысив голос, привстал на стременах широкоплечий всадник с накинутой на плечи вместо плаща лисьей шубой. – Живые они надобны! Мертвых не допросишь!

– Не совсем мертвые, Василий Юрьевич! – поспешил уверить второй дозорный. – Половина токмо преставились. Трое еще дышат. Они о враге и поведали.

– Мы так помыслили, – добавил его спутник, – известие сие зело важное, поспешили доставить. Раненых с разездом оставили. Они бы скачки не перенесли.

– Надобно было хоть пару врагов живыми вязать! – продолжил отчитывать ратников воевода. – Зачем валили всех подряд?!

– Так это, княже... – с тревогой переглянулись гонцы. – Видим, едут мужи оружные, гомонят на весь лес... Татары отродясь так себя не вели! Да и служивые не должны. Время для походов ратных ныне неуместное, распутица на носу. Мы так помыслили: ушкуйники сие али тати лесные, душегубы-разбойники. Чего их жалеть-то, дрянь поганую? Вот из-за кустов луками и посекали...

– Неуместное, неуместное... А сами мы кто?! – грозно рявкнул старший сын звенигородского князя. – В нежданное время по врагу ударить – самое милое дело! Когда не ждут, не готовы, расслабились...

Дозорные испуганно переглянулись и снова попытались оправдаться:

– Вестимо, бояре московские тоже... Не ждали...

– Но вы-то, вы должны были...

– Обожди, брат! – Выехал вперед всадник безусый, но уже плечистый, в синем суконном плаще с рысьим подбоем и лисьим воротом, сколотым на плече фибулой, сверкающей агатами и яхонтами. Пояс юноши отливал золотом накладок, а ножны белели резной слоновой костью. Сразу видно – воин знатнейший из знатных. Тонкие черты лица, острый нос, голубые глаза. И раз уж он назвал звенигородского княжича братом, несложно было догадаться, что в разговор вмешался средний сын лучшего воеводы ойкумены Дмитрий Юрьевич.

– Чего тебе, Димка? – оглянулся на него Василий Юрьевич, но средний из сыновей звенигородского князя обратился не к нему, а к дозорным:

– Сколько дружинников под московским стягом? Кто ведет, как далеко?

– Бают, тысяч семь собралось, – облизнулся один из дозорных. – Хотя, может статься, и привирают для страха. А разъезд, знамо, впереди полков на день пути... Князь Василий Серпуховской у них за воеводу.

– Князь Серпуховской... – задумался старший из княжичей и мотнул головой: – Нет, не помню такого. А ты?

– Нет. – Дмитрий Юрьевич оглянулся на третьего всадника в дорогах одеяниях, совсем еще мальчишку лет шестнадцати на вид. – А ты, братишка?

– Нет... – пожал плечами младший из княжичей и тронул пятками скакуна, продвигаясь вперед на несколько шагов.

Он тоже был голубоглазым, крепким, с развернутыми плечами и тонкими чертами лица. Любому понятно – одна кровь.

– Коли в переходе идут, то ночевать, вестимо, на Коровьем Языке собрались, на водопое у излучины Куся, – пригладил свою небольшую, пушистую и совсем еще мяконию юношескую бородку Василий Юрьевич и словно бы оценивая потер волоски между пальцами руки. Затем резко поднял взгляд на гонцов: – Вы разъезд весь положили, никто не ушел?

– Никто, – поспешно замотали головами воины.

– Выходит, московские воеводы о нас пока ничего не зна-ают... – сделал вывод старший из княжичей.

– Коли дозор к вечеру к своим не вернется, московские воеводы о нашей близости догадуются, – предупредил средний княжич.

– Встревожатся! – вскинув палец, поправил его Василий. – Не догадуются, но встревожатся. Но это тоже плохо. И, стало быть, до вечера надобно успеть...

– Чего успеть? – громко поинтересовался младший из братьев, однако Василий его не расслышал. Он расстегнул поясную сумку, достал весьма увесистый кошель и бросил дозорным:

– Молодцы! – После чего он повернулся к свите и быстро, четко начал отдавать приказы: – Заводных коней к полкам! Надеть броню! Обоз бросить с возничими, охрану – в строй. Мне нужны все ратники до последнего! Без телег мы втрое быстрее пойдем, успеем к Языку вовремя.

– Но их же семь тысяч, брат! – не выдержал младший из княжичей. – А нас хорошо, коли пятнадцать сотен!

– Зато мы о них знаем, а они о нас – нет, – через плечо ответил старший из Юрьевичей. – Вот когда к вечеру дозоры не вернутся, москвичи наверняка насторожатся, изготовятся к схватке, и вот тогда точно случится беда. Посему выбор у нас простой... – Василий потянул повод, заставив тонконового скакуна повернуться к собеседнику. – Али бежать, ако зайцы трусливые при виде тетеревятника, али самим кречетами стремительно напасть, покуда не ждут. Ты хочешь прослыть трусом, братишка?

Юный Дмитрий Юрьевич медленно покачал головой.

– Тогда, выходит, выбора и вовсе не осталось, – пожал плечами галичский княжич. – Вели холопам скакать за твоей броней! Всего полдня осталось, а нам надобно успеть и снарядиться, и еще пятнадцать верст промчаться до первых сумерек!

* * *

На Коровий Язык московские полки начали выходить задолго до вечера – медленно, лениво, словно бы устало. Воины выезжали по четверо в ряд, ибо на узком тракте больше всадников стремя к стремени не помещалось, – и растекались в стороны по обширному наволоку³ примерно четырехсот сажень⁴ в ширину и не меньше версты длиной.

С одной стороны этот громадный луг омывала мелководная речушка Кусь, с другой огибал плотный зеленый ольховник, слабо шелестящий листвой и громко чирикающий голосами тысяч невидимых птиц. Появление из леса все новых и новых сотен людей осенних птах отчего-то ничуть не беспокоило. Вестимо – пернатые малыши слишком ценили последние теплые дни перед совсем уже близкими неизбежными морозами.

Между тем вооруженные саблями и топориками путники спешивались, расседывали скакунов и начинали заниматься хозяйственными делами. Кто-то вел лошадей к водопою, кто-то отправлялся в лес за дровами, кто-то раскладывал потники, стеганные халаты и седла, готовя стоянку. Судя по простеньким поясам и одежам, потертым ножам и явно старому оружию, все эти мужчины были самыми худородными из бояр да обычными холопами.

Впрочем, оно и понятно. Не князьям же и знатым боярам грязной работой заниматься!

Полчаса, час, поток всадников непрерывно вытекал и вытекал на обширный заливной луг: ратники разъезжались по своим отрядам, спешивались и отпускали подруги, отдавали лошадей коноводам, подключаясь к общим хлопотам. Тут и там, отчаянно дымя и потрескивая, медленно разгорались костры. Найти сухие дрова во влажной осенней роще оказалось не так-то просто, и потому приходилось запаливать то, что есть – всякую гниль, лыко, кору; мелко щипать на лучинки срубленные стволы, накрывая слабые огоньки хворостинками, прошлогодней травой и ветками.

За головным полком с узкого тракта стали выкатываться к стоянке телеги с припасами и необходимым походным снаряжением: котлами и палатками, коврами и кошмами, подроспешниками и плащами; щитами, копьями, пучками стрел и броней.

Однако в сей час воинам куда больше требовались мешки с сечкой и посудой, коробка с сушеной мясной крупкой, салом, вяленой рыбой. Ратники стали оживленно разбирать возки, вешать котлы над огнем, наполнять водой, в то время как возничие, опять же, распрягали кобылок, поили их и отводили на выпас. Ибо лошадям среди людского ночлега делать, понятно, нечего.

Солнце медленно опускалось к макушкам деревьев, на наволоке тут и там поднимались палатки, в воздухе к едкому запаху дыма наконец-то стали примешиваться щекочущие ноздри ароматы вареных круп и жареного мяса.

Вот как раз в эти минуты, словно бы специально подгадав к ужину, из лесного сумрака на открытый, а потому все еще светлый луг начали выезжать всадники, одежды которых сверкали золотом и самоцветами. Застегнутые драгоценными фибулами плащи, столь же дорогие пряжки и накладки на ремнях, рукояти оружия с рубиновым навершием, меховые шапки со

---

³ Наволок – затопляемые весенним половодьем земли. По причине длительной заболоченности эти луга непригодны для земледелия и не зарастают лесом, но зато считаются отличными пастбищами и сенокосами. Со второй половины лета, разумеется.

⁴ Сажень (народная, по умолчанию) – это рост человека. Хотя различных вариантов меры с таким названием историки насчитывают многие десятки.

страусиными перьями да сверкающими драгоценными камнями. Причем и сами меха – сплошь соболя, бобры да чернобурка.

Перстни на руках, ожерелья на шеях, браслеты на запястьях...

Сразу видно – знать из знати! Самые родовитые из бояр и князей русских!

Головной полк выходил на луговину спокойно и вальяжно, богато одетые бояре громко смеялись, приподнимались в седлах, оживленно разговаривая:

– Обученный кречет, он и лису, и лань возьмет, и куропатки не упустит! – громко убеждал один. – Да и умен, ровно мысли твои читает, когда в воздух подбрасываешь!

– После кречета твоего, Тиславич, от куропатки токмо перья да клюв останутся! – изда- лека, через несколько голов, возразил другой всадник. – Для каждой охоты свой сокол надо- бен! На куропатку – тетеревиатник, на зайца – беркут, на цаплю и журавля – свистун али канюк.

– При таком обычае на охоту надобно полтора десятка орлов с собою брать, княже!

– А то мы меньше берем!

Увлеченные разговором о соколиной охоте, знатные люди, добравшись до стоянки, еще долго не разъезжались по лагерю к своим отрядам – обсуждали птиц, добычу, любимые выезды и рассказывали о забавных случаях из жизни.

Бояре словно бы забыли, что находятся на войне, а не на прогулке...

Хотя, с другой стороны, – до вражеского города еще несколько дней пути, тревожных вестей от дозорных нет. Чего посреди собственного ратного лагеря опасаться?

К тому же совсем еще юный князь Василий Серпуховской – главный московский вое- вода в силу внезапно свалившейся на него знатности – изрядно перестраховывался с первого дня дороги. Почти не имея походного опыта и потому невероятно преувеличивая возможные опасности, паренек заставил всю личную охрану Великого князя – всех дворовых холопов и призванных от дворцовых земель боярских детей – постоянно носить броню и возить рогатины у седла. Посему вокруг государя Василия Васильевича и его свиты всегда находилось четыре сотни недовольных своей судьбой, злых, усталых и потных, но всегда готовых к смертельной схватке воинов.

Вот и сейчас личные телохранители государя, одетые в добротные юшманы⁵ и кольчуги, в остроконечные ерихонки со сверкающими бармицами, широко окружали своего правителя и его свиту в несколько рыхлых рядов, придерживая поставленные на стремя рогатины и хмуро глядя по сторонам.

Войско же продолжало выбираться на наволоку: малые отряды отдельных боярских детей или мелкопоместных бояр, телеги и кибитки с припасами и снаряжением, заводные лошади – и снова отдельные отряды ополчения.

Расседывались, распрягались, разгружались...

В самом центре лагеря великокняжеские холопы начали возводить светлый и просторный шатер для государя, расстилать ковры там, где ночью появятся пол и постель, выкладывали очаг из собранных вдоль берега камней, заправляли мелко порезанным вяленым мясом ячневую крупу в котле...

– Василий Ярославович, а ты каковых ястребов держишь?!

Князь Серпуховской вздрогнул, оглянулся на государя, нахмурился.

Он еще не привык к своему высокому титулу и не знал, считать ли своими соколами только отцовских птиц или перечислять всех доставшихся по наследству.

В задумчивости юный полководец огладил ладонью золотистую грудь – броню из круп- ных позолоченных пластин, наклепанных на кожаную подкладку...

Да, в отличие от всей остальной свиты главный воевода носил броню! Носил с самого начала похода – несмотря на общее спокойствие, несмотря на то, что враг находится невесть

---

⁵ Юшман – броня, в которой металлические пластины вплетены в кольчужную ткань.

как далеко, в десятке дней пути. И хотя куда более многоопытные бояре откровенно посмеивались над излишней опасливостью своего двадцатидвухлетнего начальника, он все равно продолжал таскать на себе два пуда железа – это еще не считая поддоспешника, – и постоянно возил щит на крупе коня и шлем с личиной на луке седла.

Единственная слабость, каковую позволил себе пятый по знатности русский князь, – так это оставить в обозе рогатину. Очень уж неудобно постоянно удерживать рядом с собой длинное и тяжелое копьё!

– Так каковы соколы тебе по нраву, Василий Ярославович? – приподнялся на стременах восемнадцатилетний государь Великий князь всея Руси Василий Васильевич. Улыбчивый и розовощекий, с белесым пушком над алыми губами, в собольей шапке с ярким агатом в золотой оправе на лбу и в бобровой шубе, крытой изумрудным, ярким на изумление индийским сукном, он тоже выглядел так, словно бы выехал на охоту, а не находился в ратном походе.

– Крапчатые! – кратко ответил великокняжеский шурин, чем вызвал новый приступ всеобщего хохота. Ибо крапчатыми легко могут оказаться и огромный крик, и крохотная пустельга. Уродились бы они только светлыми в темную крапинку!

Князь Серпуховской на миг заколебался, не зная, как лучше поступить: вместе со всеми улыбнуться, делая вид, что ловко увернулся от прямого ответа, или свысока прогневаться смеху худородных? Он ведь теперь более не мелкий новик⁶, а знатный князь!

Василий Ярославович на миг отвел взгляд от государя – и тут же все мысли до единой мгновенно вылетели у него из головы!!!

Главный московский воевода увидел, как из темной чащи, всего лишь в двухстах шагах от него, с уходящего под густые кроны галичского тракта вылетают на рысях молчаливые всадники – полностью одетые в броню, в шлемах с опущенными личинами, со щитами в руках и с копьями наперевес.

– Кто это? Откуда? – судорожно сглотнул юный воин, хотя мгновенно наполнивший желудок ледяной холод уже дал ему совершенно точный и однозначный ответ: это – не друзья!!!

Воины вылетали, готовые к бою и ищущие его. Десяток, другой, третий – они тут же поворачивали вправо, на просторный выпас перед осинником.

Нежданные враги хорошо знали здешние места и догадывались, где именно будет стоять московский лагерь, а где – щипать травку беззащитные лошади. И поскольку атаковать считаемыми десятками многотысячный лагерь есть занятие бессмысленное – незваные гости разворачивались на коноводов, каковых общим числом даже двух сотен холопов не набиралось, да вдобавок еще бездоспешных и разбросанных по всему полю группами по пять-шесть человек.

Коли лишить армию лошадей, сие уже не войско окажется, а так... Бродяжки с мечами.

– Рынды⁷, ко мне!!! – спохватившись, во весь голос закричал воевода. – Бунчук⁸! Тру-бача!

Однако носитель его знака и горнист успели куда-то отъехать, готовясь к привалу. Хорошо хоть великокняжеские телохранители находились рядом и слышали зычный приказ командира.

– Ко мне! Все сюда! Копья наперевес! – Василий Ярославович схватился за шлем, нахлобучил на голову, оглянулся.

Окружавшие свиту рынды уже скакали к нему, снимая с петель и перехватывая рогатины, – а чужаки все это время неумолимо продолжали выхлестывать на пастбище, и счет им явно перевалил сильно за две сотни.

Или уже три?

---

⁶ Новик – подросток, боярский сын.

⁷ Рында – оруженосец при Великом князе.

⁸ Бунчук – древко с привязанным хвостом коня, символ власти.

Однако сейчас юному воеводе было не до арифметики. Василий Ярославович дотянулся до щита, ощутил в руке его успокаивающую тяжесть и выхватил саблю. Привстал на стременах и громко крикнул, указывая вперед: – Слушай меня, бояре! Сию дорогу надобно заткнуть! Запрет ворогов в лесу, оттуда не навредят! За мно-о-ой!!!

Он дал шпоры коню, разгоняя его для атаки, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и быстрым движением опустил личину, закрывая лицо.

По коже пробежал огонек азарта, предвкушения близкой схватки – веселящий и пугающий, зажигающий душу смертельным азартом, наполняющий жилы жаркой шипящей бодростью.

Сейчас начнется сеча!!!

План воеводы выглядел единственно правильным и вполне осуществимым. Ударить в основание потока конницы, опрокинуть вражеских ратников на дороге, у выезда к лагерю – связать врага боем, завалить ему путь телами и конскими тушами. Верховому через лес пробираться трудно, а в темноте станет и вовсе невозможно. Если перекрыть выход, вражеская армия так и останется в чащобе. Застынет на дороге, совершенно бессильная, будь она числом хоть в тысячу, хоть в десять, да хоть бы даже и в сто тысяч копий!

Опрокинуть, остановить, запереть до темноты.

А утро вечера мудренее...

– Геть, геть, геть! – громкими выкриками горячил и себя, и стремительного скакуна князь Василий Ярославович, как вдруг...

– Государь, государь! – закричали сразу в несколько голосов холопы и боярские дети. – Государя спасайте!

Василий Ярославович оглянулся – и громко выругался!

Оказывается, три сотни вырвавшихся на простор пастбища чужих воинов не стали гоняться за лошадьми, сечь коноводов, собирать и уводить табун – а умело развернулись в плотный полк из четырех линий... И стали разгоняться прямо на великокняжескую свиту – кованные да против бездоспешных и безоружных бояр!

Без брони и с саблями супротив кованого копейщика – это как зайцу супротив медведя. Токмо в сказке победить и возможно. Свита и государь в такой схватке окажутся обречены.

Говоря по совести, несколько мгновений главный воевода все-таки колебался. Василий Ярославович был уверен, что сможет заткнуть поток вражеских воинов, что сеча на выходе с тракта остановит наступление чужаков, по крайней мере, на время, достаточное, чтобы московские бояре успели вооружиться и собраться для отпора. А скорее всего – и до утра, ибо до ночи оставалось уже совсем ничего – меньше часа, а сражаться во мраке невозможно. Когда сгустится тьма, всем придется остаться там, где они оказались, а к рассвету московская дружина сможет снарядиться для правильного сражения.

Нужно просто выиграть немного времени.

Всего лишь полчаса, самое большее – час...

В начавшейся битве князь Серпуховской совершенно точно мог победить!!!

Но что проку в ратной победе, если при этом погибнет тот, ради которого войска идут в битву?

– Проклятые небеса!!! – во весь голос закричал юный воевода и что есть силы потянул левый повод, уводя свои сотни в широкий разворот, дабы атаковать врага сбоку.

Удар в бок, а уж тем более в беззащитную спину способен уничтожить любое, даже превосходящее в силах войско, – и потому вражеская кованая рать, заметив опасность, тоже стала поворачивать, так и не успев стоптать великокняжескую свиту.

В этом кружении оба полка потеряли скорость и потому не сшиблись в сече – а просто съехались левыми краями, нанося друг другу удары саблями и копьями. Однако без хорошего

разгона удар рогатины неспособен пробить даже щита – и потому вместо криков боли и ярости воздух над полем наполнился громким стуком, звоном и руганью.

Князь Василий Ярославович, как всегда, вырвавшись вперед, встретил грудью сразу три копья. Поспешно закрылся, приняв левые на щит, а третье без труда отвел саблей.

В сей схватке, случившейся без разгона, все происходило невероятно медленно, плавно, словно бы во сне.

Оттолкнув в сторону своим клинком копейный наконечник, воевода обратным движением с широкого замаха рубанул врага поперек посеребренного улыбающегося лица. Личина сверкнула в воздухе, улета в сторону, брызнули кольца бармицы, чужак опрокинулся на спину. Воевода же торопливо ударил щитом влево вниз, пытаясь попасть в колено другого оказавшего слева чужака. По ноге – промахнулся, но от сильного удара в бок вражеский конь скакнул вперед, поднялся на дыбы и стал заваливаться набок.

И тут из-за спины падающего противника очень медленно, но все-таки тяжело ударила увесистая рогатина – точнехонько в открытую княжескую грудь...

Броня выдержала – Василий Ярославович лишь поперхнулся воздухом, быстро прикрылся от повторного укола, ударами пяток заставил коня двигаться вперед, увидел из-под щита другого врага, что есть силы уколол его саблей в бок, потом еще раз, продвинулся еще немного вперед, припустил щит, чтобы осмотреться, – и тут же в голове словно бы разлетелся сноп огненных искр...

* * *

Княжич Василий Юрьевич останавливался на Коровьем Языке раз пятнадцать и потому знал эту стоянку наизусть, мог бы сражаться на ней даже с завязанными глазами. Однако на сей раз он хотел этой схватки всеми возможными способами избежать. Ибо последние два часа галичская дружина шла на рысях – и потому кони были вымотаны, совершенно не годясь для боя, да и сами воины тоже изрядно устали.

Противник же превосходил галичскую дружину только числом чуть ли не впятеро!

Коли дело дойдет до сечи – москвичи своих врагов затопчут. Просто задавят числом – тут уж никакая доблесть не поможет.

Однако сын лучшего воеводы своего времени успел хорошо усвоить, что главный залог победы в любой сече – это не число и даже не умение. Залог победы – это неожиданность. Способность воеводы перехитрить врага, поймать его в ловушку, запутать маневром, испугать неожиданной опасностью. И потому старший сын галичского князя без колебаний встал в первые ряды головного отряда, решительно поведя всего лишь несколько сотен галичских бояр против семитысячной московской армии.

– Вперед, вперед, вперед! – двадцатилетний воевода во весь голос подгонял воинов, припоривающих своих измотанных, тяжело дышащих коней. – За мной, други! За мной, не отставай! Впере-е-д!!!

Вылетев во весь опор на обширный луг, Василий Юрьевич чуть поддернул поводья, замедляя шаг, и привстал на стремяна, оглядываясь.

Здесь все было, как всегда. Люди стояли ближе к воде, разводя костры и собирая палатки, кони паслись у осинника, на сочной траве. И выезжающие сотни очень удачно отрезали воинов от их скакунов.

Правда, в самом центре широкого поля стояло под бунчуками и хоругвями почти полторы тысячи верховых. По виду – княжеская свита с охраной. К бою явно не готовая, но числом сильно превосходившая его отряд, и вдобавок – свежая.

«Стопчут!» – пробежал холодок по спине княжича. Но обратной дороги у него уже не оставалось.

Василий Юрьевич оглянулся – галичане стремительно вылетали из леса, десяток за десятком пополняя головные сотни. Уставшие, но привычные к походам, не знающие поражений, послушные и уверенные в себе.

Княжич ждал – ведь каждая минута промедления увеличивала его силы.

Сообразили это и москвичи – от свиты неожиданно отделилось несколько сотен одетых в броню бояр, во весь опор устремившись к тракту.

Поняв, что его сейчас отрежут, Василий Юрьевич вскинул рогатину и громко закричал: – За мно-о-ой! За Гаа-а-алич!!!

Его сотни без колебаний устремились следом, понукая тяжело дышащих скакунов и вынуждая их разогнаться если не в галоп, то хотя бы на рысь. Щиты вперед, копья наперевес, через прорези в личинах пляшут над остриями рогатин золотые и серебряные фигурки.

– Вперед, други мои, вперед! Напоим нашу сталь парной московской кровушкой! За Гаа-а-алич!!!

Вестимо, в копейном ударе галичане снесли бы половину княжеской свиты, наряженной в меха и ферязи⁹ вместо брони. Но потом завязли бы в сече, растеряли рогатины и оказались изрублены бодрыми московскими воинами все до последнего.

Однако Василию Юрьевичу повезло – отделившийся передовой отряд не захотел рисковать и стал разворачиваться, чтобы защитить государя.

Тракту больше ничто не угрожало – и княжич тоже повернул, но ровно настолько, чтобы не сойтись с врагом в лоб, а проскочить мимо. И провел свой отряд буквально впритирку с московскими сотнями, зло ошестинившимися длинными рогатинами! А затем снова сделал вид, что готовится ударить по свите.

Москвичи, спасая Великого князя, поскакали наперерез, опрокидывая собственных обозников, свита бестолково попятилась к лесу, медленно скрываясь под деревьями.

Передовой отряд развернулся в несколько рядов, готовый отразить атаку, – Василий Юрьевич легонько наскочил на храбрецов, дав боярам потыкать в щиты копьями, а затем отозвал галичан и сместился вправо, показывая, что желает обойти защитников, что готов преследовать Великого князя даже через чащу!

Московские ратники попятились еще дальше, закрывая и эту возможность...

А между тем далеко за спиной княжича Василия из зева лесного тракта продолжали вырываться на простор Коровьего Языка все новые и новые сотни галичских бояр. И это означало, что старший сын князя Юрия Дмитриевича победил. Даже не вступив в битву, он не дал врагу собраться к сражению, не допустил его к лошадям, оставил рассеянным мелкими отрядами тут и там по огромному наволоку, отрезал от собственного обоза и почти без боя смог выдавить Великого князя Василия с ратного поля, загнав его в густой темный лес.

Что же это еще, как не победа?

Теперь галичанам оставалось только праздновать и собирать трофеи.

* * *

Когда князь Серпуховской открыл глаза, небо все еще оставалось серым.

Не черным.

Значит, пролежал он в беспамятстве всего ничего, считанные минуты.

Однако, судя по звукам вдалеке, все уже было кончено.

---

⁹ Ферязь – популярная среди знати форма одежды. Больше всего напоминала полупальто без рукавов, поскольку в отдельных случаях особо упоминался нестандартный вариант «ферязь с рукавами». Ферязь всячески украшалась и расшивалась, демонстрируя статус и богатство владельца, и сохранилась как вид чиновничьей парадной одежды аж до самой революции.

Главный воевода дал себе еще несколько мгновений покоя, затем поднялся на локтях, перевернулся на живот, оттолкнулся ладонями от окровавленной травы и встал на колени, осматривая поле брани.

Там, где недавно гарцевала великокняжеская свита, осталась только примятая трава, но возле самого леса все еще продолжалась рубка. Вестимо, государь с ближними боярами все-таки ушли, а телохранители остались прикрывать их отступление.

Василий Ярославович перевел взгляд на лагерь. Там через костры и палатки быстро катилась железная волна из одетых в броню всадников: чужаков успело набраться уже никак не менее тысячи.

Наступлению кованной рати почти никто не противился – боярские дети и холопы убежали со всех ног, перепрыгивая костры и затапывая лежанки. Многие уже успели перебраться через реку и скрыться в ивовых зарослях на том берегу, другие еще только брели через Кусь по грудь в воде, поднимая над головой какие-то узелки и сумки, луки или мечи, – то, что догадались схватить с собой, спасаясь от неминуемой смерти.

Оно и понятно. Пеший ратник способен выстоять перед конной атакой только в плотном строю, прикрывшись щитами и выставив вперед крепко упертые ратовищами в землю копья; в прочных шлемах и хорошо бы еще и в надежной броне. Сейчас же в лагере, бездоспешные и рассыпанные по одному, воины могли только бесславно и бесполезно умереть.

Или...

Или убежать, спасая себя для будущих походов.

Чем они сейчас вполне разумно и занимались.

– Василий Ярославович, помощи... – послышался громкий стон почти у самых ног воеводы. – Помоги, у меня сейчас ступню расплющит...

Раненный боярин, придавленный лошадиной тушей, скрипнул зубами и в бессилии поскреб пальцами скользкую, пахнущую парным молоком траву.

Это был тот самый воин, которому недавно досталось от воеводы саблей. И, судя по залитому кровью лицу, личина и бармица от размашистого удара бедолагу не спасли. Рана вышла не смертельной, но довольно глубокой.

– Василий Ярославович... Помоги... – снова простонал несчастный.

– Ты меня знаешь? – удивился юный воевода, поднимаясь во весь рост и оглядываясь. – Откуда?

Поле недавней битвы выглядело не особо ужасающим: пять лошадиных туш и три тела, немного крови и куски расколотых щитов. Однако несколько копий тут и там все-таки валялось.

– Кто же не знает великокняжеского шурина? – тяжело дыша, ответил раненый. – Я даже на свадьбе твоей сестры погулять успел, покуда матушка государя не учудила...

– Так ты галичанин? – сообразил Василий и тут же жадно спросил: – Тогда скажи, откуда все вы здесь?! Я же повелел накрепко перекрыть все дороги и тропинки, чтобы ни одна мышь из Юрьева не выскочила! И время для похода выбрал самое неурочное! Как вы узнали? Почему выступили навстречу?

С этими словами воевода повел плечами, подобрал с земли рогатину, глубоко вогнал ее под лошадиную тушу и хорошенько налег на ратовище, приподнимая мертвую плоть.

Раненый жалобно застонал и торопливо вытянул ногу. После чего с облегчением откинулся на спину:

– Как хорошо-о! Я – твой должник, Василий Ярославович, век не забуду!

– Так откуда вы взялись? – Воевода бросил копье и пошел по кругу, вглядываясь в траву.

– Князь Звенигородский зело сильно удивился тому, что с Волги по торному тракту полных три недели даже бродячей собаки не прибежало, – слабо засмеялся галичанин. – Заподозрил, что татары недоброе что-то задумали, покуда все в ожидании распутицы расслабились.

Велел сыновьям проверить. Это ведь Юрий Дмитриевич, его не обманешь! Его перехитрить еще никогда и никому не удавалось.

Воевода не ответил. Наклонился за саблей, вернул ее в ножны.

– Сим объявляю тебя своим пленником, Василий Ярославович! – все еще сквозь зубы выдохнул раненый. – Оглянись, мы победили!

– Посмотри на себя, боярин! – не смог сдержать улыбки перед таким нахальством князь Серпуховской. – Ты ныне даже мыши не обидишь! Это ты теперь мой пленник!

– Твоя правда, Василий Ярославович, ныне я не боец, – признал боярин, откинул голову на землю и смиренно согласился: – Ладно, будь по-твоему. Забирай меня к себе в полон...

Московский воевода снова огляделся. В стремительно густеющем мраке галичане весело обживали московский лагерь. Расседывали своих коней, отправляли их на выпас к захваченному табуну, сами же рассаживались к кострам, запускали ложки в еще горячие каши и похлебки...

Сеча у леса завершилась, однако поле недавней схватки никто пока не осматривал. Простых воинов, загнавших московских ратников в чащу, куда больше интересовал обоз, сгрудившийся у выезда на наволоку. После начавшейся рубки возничие попытались развернуться и уехать. Кому-то это, наверное, удалось, но большинство застряло в толкучке. Чтобы разграбить телеги, победителям оставались лишь считанные сумеречные минуты уже наступившей ночи, так что все свободные галичане увлеклись добычей.

Еще примерно с сотню врагов распоряжались на пастбище – разгоняя московских коноводов, дабы не увели своих лошадей лесом. Там галичан тоже ждала невероятно богатая добыча.

Однако разбой разбоем, но несколько крупных отрядов расположились у реки, следя за берегом, и еще возле великокняжеской палатки в виду выхода на тракт...

В общем, победители проявляли завидную осторожность – хотя рассеянный, испуганный, загнанный в густые заросли противник, все припасы и оружие которого остались в лагере, вряд ли был способен собраться для нападения.

Похоже, в общей суете про тихое мертвое поле всего лишь с несколькими телами просто-напросто забыли.

Не до того.

Пока на рассвете кто-нибудь не заметит неупокоенных товарищей – сюда уже никто не подойдет.

– Как тебя зовут, боярин? – негромко спросил Василий Ярославович.

– Титомир я, Лягутин сын, – ответил галичанин. – Хозяин Гремячего ручья.

– Выздоровливай, боярин Гремячий, – пожелал ему воевода. – Может статься, в следующий раз судьба сведет нас друзьями, а не ворогами.

– И тебе удачи, Василий Ярославович, – отозвался галичанин. – Надеюсь, боги позволят мне отблагодарить тебя за помощь бочонком доброго хмельного меда!

Московский воевода кивнул, повернул к туше пегого коня, подобрал там с земли чей-то рваный и грязный плащ, перекинул через плечо поверх своего.

Не самое лучшее приобретение, но юный князь отлично понимал, что впереди его ждет очень долгая ночь в холодном и влажном лесу. Лишняя подстилка вскорости очень даже пригодится.

Василий Ярославович еще раз повернулся кругом, осматриваясь последний раз, уныло выдохнул и пошагал к совсем уже черной роще, узнаваемой лишь по слабому шелесту невидимой листвы.

Часть первая Непобедимый

16 ноября 1433 года. Москва, Фроловская башня

Нынешняя осень затянулась. Дожди сменялись мокрым снегом, снег – туманной холодной моросью, а морось – новыми дождями, размывающими выпасы и пашни, разгрызающими овраги, превращающими проселочные дороги в глубокое чавкающее месиво. И даже в жарко натопленных палатах и светелках Великокняжеского дворца воздух стоял влажный, густой, липкий – словно бы в бане вскорости после того, как плеснуть квасом на раскаленные валуны очага.

Разверзшиеся небесные хляби неожиданно для всех переполнили крепостной ров между Москвой-рекой и рекой Неглинной – обычно доливаемый двумя водоподъемными качалками. Самотеком в среднюю часть укрепления вода не попадала, ибо городской холм поднимался здесь над берегами обеих рек аж на девять сажень¹⁰. Закопаться на такую глубину, понятно, невозможно – и поэтому от Фроловских до Никольских ворот поднятый на высоту ров удерживали наполненным две срубленные из дубовых бревен неширокие плотины – с послойной засыпкой, утрамбованной синей глиной.

И вот, вестимо, из-за лишнего напора нижняя плотина дала течь, причем очень серьезную: сразу в нескольких местах стали сочиться струйки где в несколько пальцев, а где и в руку толщиной. Что в преддверии близких морозов грозило серьезными неприятностями. Ведь каждая такая струя в трескучий мороз застынет, разойдется и порвет, переломает вокруг себя мореную древесину. И по весне там уже не струйки сочиться начнут, а целые потоки бить, вымывая глину из-под низа плотины. Тогда уже придется изо рва всю воду спускать, а плотину разбирать, раскапывать, а потом заново сшивать, заполнять и послойно утрамбовывать.

Посему вдовая Великая княгиня Софья Витовтовна, матушка государя Василия Васильевича, медлить не стала. Едва пришло известие о протечке, она тут же распорядилась призвать опытных водолазов, начать ремонт и теперь самолично следила за работами, скрываясь от очередного дождя под перекрытием Фроловских ворот.

Рядом с княгиней-матерью, зябко завернувшейся в соболью шубу, крытую изумрудной парчой с синим рубчиком, стояла на массивном табурете стянутая железными обручами бочка с чуть мутноватой, пахнущей яблоками жидкостью. За бочкой возвышалась на высокой приступке верная ключница правительницы – дворовая девка Пелагея, лет тридцати на вид, упитанная и голубоглазая, с темно-красными, явно натертыми свеклой губами и чуть розоватыми щеками. Рабыню тоже облегали соболя, но это была уже заметно вытертая по краям округлая шапочка и шуба с потемневшими плечами и рукавами.

Шуба Пелагее казалась явственно велика, и, поскольку ростом девушка почти на голову уступала хозяйке, не оставалось сомнений, откуда именно взялись у рабыни столь дорогие одежды...

Из стоящей здесь же, в воротах, парусиновой палатки, подсвеченной изнутри огненными отблесками, внезапно выскочил крупный и плечистый чернобородый смерд во влажной полотняной рубахе, торопливо пригладил длинные и густые, русые с проседью кудри, низко склонился перед княгиней-матерью:

– Мое почтение, всемилостивая...

---

¹⁰ Перепад высот почти 15 метров.

Софья Витовтовна молча кивнула. Ключница тут же зачерпнула из бочки полный ковш мутной жидкости, протянула работнику. Тот довольно крикнул, отер рукавом усы, принял корец, осушил в несколько больших глотков, крикнул еще раз, опять поклонился в ноги:

– Благодарствую... – Развернулся и широко зашагал к подъемному мосту. Подобрал лежащий там куль из рогожи, еще раз размашисто перекрестился: – Тебя, Карачун, о милости умоляю...

Сделал шесть глубоких и частых вдохов-выдохов и решительно перемахнул через перила, с плеском уйдя в воду.

– Почему они молятся богу смерти, великая госпожа? – негромко удивилась ключница.

– В темной воде токмо его владения, боярыня, – ответил вышедший из палатки молодец лет двадцати, совсем еще безусый и безбородый, однако уже крупный телом и весьма широкоплечий. – Кому же еще молиться в студеной черноте, как не богу мрака и холода?

– Попробуй молиться богу любви и мудрости, Иисусу Христу, – предложила Пелагея, зачерпнула из бочки ароматной мути и протянула ковш юному водолазу. Тот поклонился, принял угощение, выпил, опять поклонился, крутанулся на пятках и потрусил на мост, чтобы вскоре с плеском уйти в глубину.

Софья Витовтовна протянула руку, взяла у ключницы ковшик, понюхала, затем стряхнула себе в рот несколько капель – и тут же вздрогнула, аж передернулась всем телом, брезгливо поморщилась:

– Это ведь гадость! Зачем они пьют подобную вываренную мерзость?

– Сказывают, таковой напиток хорошо согревает, великая госпожа, – тихо ответила Пелагея. – При их ремесле сие есть самое главное достоинство...

Словно бы в подтверждение ее слов со стороны рва послышались крики, веселая ругань. На мост быстро забежало четверо водолазов из прежней смены – мокрых, пахнущих тиной, с ошметками водорослей на серых рубахах. Промчавшись мимо женщин, все они нырнули в палатку и, судя по теням, сгрудились вокруг очага. Послышался треск, загудело пламя.

Вестимо, на угли упала свежая охапка хвороста.

Княгиня-мать проводила мужчин взглядом, затем вышла на мост, глянула вниз. Покачала головой.

– Как текло, так и течет! Чем они там, на дне, занимаются? Неведомо... Отсель не видно. Может статься, и вовсе ничем! Ныряют, токмо чтобы ковш дармовой перед погружением получить.

– Ты воду-то потрогай, великая госпожа, – предложила ключница. – Чем в таковую нырять, уж лучше трезвым остаться! Опять же, подрядчики сразу сказывали, что работы на два али три дня получится. Ныне же всего половина первого прошла.

– И все равно неправильно сие... – недовольно буркнула правительница. – Проверить бы надобно. Ведь платим неведомо за что!

– А как проверить-то, великая госпожа? – развела руками служанка. – По твоей воле я бы и сама в темноту сию прыгнула. Да токмо что смотреть?

– Верю, Пелагея, верю, – вернувшись с моста под бревенчатый потолок проезжих ворот, улыбнулась ключнице княгиня-мать. – Прыгнешь. После стольких лет в этом мире я токмо твоей преданности и верю. Сыну еще немножко да князю Серпуховскому. Да и те... Сын ради глаз девичьих в единый миг обо мне забыть ухитрился, а Василий Ярославович из страха служит, не из совести...

Но закончить неспешной грустной речи Софье Витовтовне не удалось. Промчавшийся через кремлевский двор запыхавшийся всадник в добротном, но пыльном и грязном зипуне¹¹

---

¹¹ Зипун – короткий и недорогой нарядный кафтан. Шился из яркого цветного сукна, украшался владельцем в меру фантазии, но ценные меха, ткани и самоцветы для зипунов не использовались.

буквально вывалился перед женщиной из седла и упал на колено, сорвав с бритой головы округлую шапку:

– Разметали войско государево нехристи заволочские! – выдохнул он. – Как есть побили, разгромили, ничего не осталось...

– Что с моим сыном?! – грозно взревела правительница.

– Жив он, цел, отбил с ближними боярами! – поспешил успокоить Софью Витовтовну посланец. – Отступил от реки Кусь на три перехода, людей ратных собирает, каковые уцелели.

– И что за нехристи сие сотворили? – немного понизила голос правительница. – Как смогли?

– Так князья галичанские, заволочские, – приподнял немного голову посланец. – Навалились числом несчитаным, тысяч двадцать их было, а то и более. Дружина наша рубилась насмерть, сил и кровушки не жалея, животов не щадя...

– Полно врать! – прервала его княгиня-мать. – Князь Юрий Дмитриевич и в лучшие свои годы больше трех тысяч витязей под вымпелы никогда не собирал. Орду с пятью тысячами разгромил, так для тамошнего похода по всей Волге охотников созывал. Откуда ему в берлоге своей двести сотен вдруг наковырять-то? Вестимо, тысяча али две мечей у него было, не более! Верно говорю?!

– Да как их в сече сочтешь-то, матушка? – втянул голову в плечи запыхавшийся вестник. – Много было...

– Ладно... – Правительница расстегнула поясную сумку, нащупала увесистую золотую монету и бросила воину. – Службу свою ты исполнил. Ступай, отдохни.

Поймав сверкнувший неожиданно ярким желтым отблеском кружок, гонец поклонился еще раз, спрятал награду, поднялся на ноги, взял взмыленную лошадь под уздцы и повел куда-то вправо, по застеленным толстым черным тесом узким влажным улочкам.

Софья Витовтовна проводила его взглядом, медленно повела плечами, словно бы раздвигая слишком тесный корсет, повернулась к служанке:

– Проследи здесь за порядком, Пелагея. Полагаюсь на твое разумение. И черпай поменьше, дабы водолазам токмо для согрева хватало, без удовольствия! Хотят хмельного праздника, пусть с ремонтом поспешают. Бо морозы в любой час ударить способны!

– Исполню в точности, великая госпожа, – пообещала ключница, но княгиня-мать уже спешила прочь, сложив руки на животе и торопливо перебирая пальцами. Щеки Софьи Витовтовны порозовели, дыхание участилось и стало горячим, вернув женскому телу подзабытые ощущения.

Когда гонец рассказал о поражении московской армии, когда правительница вступилась за Юрия Дмитриевича, защищая его от откровенного наговора, – Софья Витовтовна неожиданно поняла, что ощущает гордость за звенигородского князя! Гордость за своего любимого, своего желанного, уже в который раз сумевшего малой силой разгромить многократно превосходящего врага! Гордость за храброго витязя, побеждающего всегда, побеждающего всех, кто бы только ни вставал на его пути! И каждый раз приносящего к ее ногам пояса поверженных врагов...

Целый сундук из дорогих ратных поясов, по сей день стоящий в ее покоях!

Воспоминания всколыхнулись и неожиданно вынесли из глубин прошлого не только подарки, но и ласки, поцелуи и объятия, тайные встречи и прилюдные прикосновения украдкой. Всколыхнули всё безумие запретной страсти, безумие того невыносимого желания, что раз за разом побуждало тела к слиянию, к горячему безумному единению, что возносило к самым вершинам беззаветной и бескорыстной любви...

Тело вспомнило былые ласки с такой ясностью, словно бы они случились только вчера – и разум княгини-матери снова отказался поверить в то, что верный, искренно преданный витязь

мог ее бросить! Мог отречься, оставить, забыть! Мог предать их долгую, чистую и беззаветную любовь...

Встречные люди склонялись перед правительницей, а иные и падали на колени прямо на мокрую мостовую, впереди поспешали четверо телохранителей в белых тулупах и с топориками в руках, справа и позади шелестела подолами свита: кравчая, постельничья, стольница, конюшая, прочие знатные служанки... Однако Софья Витовтовна настолько привыкла к этому неизменному сопровождению, что совершенно его не замечала, чувствуя себя в полном одиночестве. И потому княгиня спокойно предавалась своим мыслям, иногда облизывая бледные сухие губы, иногда легко касаясь ладонью подбородка – как когда-то делал это ее любимый, иногда вскидывая к лицу плотно сжатые кулаки, вознося негромкую молитву Купаве.

Минувший год оказался тяжелым. Они воевали. Воевали друг с другом, словно бы стали лютыми врагами! Юрий, конечно же, победил, как побеждал всегда. Разгромил их сына, привел армию к присяге и принял под свою руку Москву, сев на великокняжеский трон.

И да, ее любимый отверг ее! Отверг, глядя прямо в глаза!

Отверг здесь, в Кремле, во дворце, в Думной палате. Имея над нею полную власть, обладая правом победителя, Юрий даже не прикоснулся к женщине, которой клялся в вечной верности и к ногам которой клал все свои победы!

Тогда, в страшные минуты отторжения, Софья возненавидела своего витязя всеми фибрами души, возжелала ему смерти, мучений, унижения. Захотела увидеть его перед собою на коленях, плачущего и молящего о пощаде! Захотела истребить его самого, его семью, дочиста выкорчевать весь его род!

Но прошли месяцы, пожар нестерпимой ярости в душе женщины ослаб, и в минуты успокоения она не могла не признаться самой себе, что война началась не просто так. Ведь это она, именно она смертельно оскорбила галичских княжичей! Поддалась минутному порыву, прилюдно назвала их ворами, ограбила, изгнала!

После подобного унижения война, конечно же, стала неизбежной...

Однако Юрий, как всегда, повел себя с истинно княжеским благородством! Победив – мстить за оскорбление никому не стал. Никого не убил, не изгнал, не покарал. Простил всех – и своих, и чужих, а спустя пару месяцев добровольно вернул трон их мальчику.

Просто и бескорыстно отдал Москву Василию, уехав обратно в свои заволочские чащобы!

Поступил непостижимо, невероятно, благородно!

Теперь, спустя месяцы, отказ победителя прикоснуться к ней, к захваченной женщине, тоже выглядел не столь уж оскорбительным. Ведь поступи так со своей пленницей любой другой воевода – и сей поступок считался бы проявлением исключительной порядочности!

Разве ее витязь, всегда являвшийся воплощением чести и достоинства, мог поступить иначе?

Между тем ранее он никогда не давал ей повода усомниться в своей любви!

В своей храбрости, совести, преданности...

Да, после смерти своего брата, Великого князя Василия Дмитриевича, князь Юрий уехал к себе в Галич, в далекие, непроходимые таежные чащобы – и более оттуда не показывался. Вестимо, случившееся горе совсем его сломало. Похоже, Юрий Дмитриевич не перенес утраты своего брата и повелителя, служению которому он посвятил всю свою жизнь. Может статься, именно поэтому он раз за разом не отзывался на ее письма с просьбами о встрече? Может статься, она просто не смогла найти нужных слов? Может статься, она боялась его приезда куда более, нежели желала встречи, и этот страх проглядывал в ее посланиях?

Все же именно Юрий Дмитриевич, а не их сын Василий являлся законным наследником трона! И потому появление Звенигородского князя в столице могло вызвать волнение, а то и стихийный переворот...

Софья Витовтовна уже в который раз подумала о том, что своим отдалением ее витязь, возможно, проявлял куда большую заботу о ее благополучии, нежели это могло показаться на первый взгляд!

Вдовая княгиня снова вскинула маленький кулачок и крепко, до боли его сжала...

Получается – любит? Все еще любит, прилюдно сего никак не показывая?

С этими мыслями Софья Витовтовна поднялась через боковое крыльцо в покои Большого дворца, прошла на женскую половину и почти сразу столкнулась со встревоженной невесткой:

– Матушка, матушка, гонец с Волги прискакал, наши полки разбиты!

Несмотря на тяжелый парчовый сарафан, украшенный самоцветами и золотыми бляшками в виде львиных голов, высокий кокошник с жемчугом и тремя нитками самоцветных бус, Великая княгиня Мария Ярославовна выглядела вовсе не правительницей великой державы, а маленькой испуганной девочкой – даже до своих шестнадцати лет недотягивая.

Дитя есть дитя...

– Милая моя, маленькая... – В порыве материнской нежности княгиня-мать крепко обняла малышку, подержала ее у своей груди, после чего отпустила и утешила: – Твой супруг жив и здоров, Ягодка, можешь не беспокоиться! Твой брат, я уверена, тоже. Скоро они вернутся домой, целые и невредимые.

– Но если наша дружина разгромлена, галичане идут сюда! – сглотнув, выдохнула девочка. – Они разорят все окрестные земли, они захватят Москву, они схватят нас!

– Не бойся, милая, Юрий Дмитриевич не посмеет, – покачала головой Софья Витовтовна. – Они сюда не придут.

– Но если они разгромили наши войска, что их остановит?

Княгиня-мать поколебалась в неуверенности и за невозможностью сказать правду сослалась на более весомый аргумент:

– Божья воля... – после короткой заминки ответила вдовая государыня.

– Какая божья воля, матушка?! – отпрянув, громко воскликнула девочка. – У них же кованная рать! Дружина, князья, полки! Они идут сюда!

– Великая воля небес, моя Ягодка... – положив палец на губы воспитанницы, повторила Софья Витовтовна и понизила голос: – Вспомни, девочка, как всего три месяца назад Юрий Дмитриевич безо всякого принуждения даровал московский престол твоему супругу. Неужели ты думаешь, что теперь он станет свергать Василия и опять садиться в Москве? Не беспокойся, милая. Этого не случится. Ни сейчас и никогда. Князь Юрий Дмитриевич никогда и ни за что не причинит никакого вреда ни моему сыну Василию, ни тебе самой, Ягодка, как его супруге.

– Но почему, матушка?! – недоверчиво покачала головой Мария Ярославовна. – Ведь сила на его стороне!

Софья Витовтовна тяжело вздохнула. Поджала губы.

Увы, но сказать юной государыне всей правды она никак не могла. И потому просто повторила свое прежнее утверждение:

– Такова воля небес...

16 ноября 1433 года. Галич, Волжские ворота

Победителей встречал переливчатый колокольный звон, гул десятков тревожных бил, грохот трещоток и, конечно же, громкие восторженные крики: здравия, поздравления, частушки и веселые присказки, славящие галичан и унижающие их врагов:

– Храбрый Галич, он Москву наказал на острову! Галич с Костромой в горе, а Москва лежит в дыре! Любо княжичам! Любо победителям! Галич гоголем идет, Москва в омуте плывет! Слава витязям! Слава Юрьевичам!

Победители в начищенных колонтарях и юшманах, в сверкающих островерхих шеломах – однако же без личин, с открытыми лицами, ряд за рядом въезжали в ворота. Подбитые лисой и горностаем суконные плащи на плечах, ремни с золотыми или серебряными клепками на поясах, длинные и тяжелые рогатины в руках. Могучие скакуны, грозно фыркая, тяжело ступали по засыпанной мелкой галькой улице; попережку между ратными отрядами катились возки, до краев заваленные саблями, топориками, копьями и колчанами – наглядно доказывая, сколь велика и решительна оказалась одержанная победа. Ибо трофейного оружия хватило бы для снаряжения многих и многих сотен воинов!

В воротах всадники помещались по трое в ряд – и так, втроем, трое княжичей, трое сыновей князя Юрия Дмитриевича, и въехали на двор детинца. Спешились у крыльца и, переглядываясь, плечом к плечу поднялись к стоящему у дверей седобородому звенигородскому князю, одетому в пушистую соболью шубу, – отчего и без того широкоплечий воевода казался и вовсе огромным, ако скала.

– Вы молодцы, дети мои, – похвалил сыновей великий воевода и крепко обнял по очереди каждого. – Славно управились!

– Не то слово, батюшка! – горячо ответил Василий. – В пух и перья рати московские разнесли, ако зайцев по кустам и буреломам разогнали! Надобно скорейше ополчение со всех земель твоих созывать да в гости к Софье Витовтовне наведаться, покамест не оклемались!

– Что, даже в баньке не попаришься? – с легкой усмешкой поинтересовался отец. – Весь Галич с утра топится, ратников своих из похода ждет. Опосля чистыми – в святылище, жертвы благодарственные богам принести, да ввечеру пир великий созовем.

– Ну, знамо, не сегодня коней обратно оседлаем, батюшка, – несколько смутился старший княжич. – Но к заморозкам хорошо бы поспеть. Как дороги встанут, сразу и выдвигаться!

– Выходит, время еще есть, сынок? – Юрий Дмитриевич положил руку старшему княжичу на плечо, чуть там подержал и кивнул: – Разоблачайтесь.

Он обвел детей взглядом, снова улыбнулся и кивнул:

– Горжусь вами, сыновья мои. Молодцы!

* * *

Вернувшиеся из похода победители парились довольно долго – часа два, а то и более.

Знамо дело, в предбаннике для них и мед хмельной нашелся, и рыбка копченая, и огурцы, да грибки и капуста, так что от голода мужчины не измучились, в горле у них не пересохло. Посему в святылище они отправились без спешки, с хорошим настроением, принеся в дар украшенным увядшими венками радуницам три добротных плаща, могучему прародителю Сварогу, кузнецу небесному, оставили рогатину, богато украшенную саблю и шитый бисером тяжелый колчан с луком и стрелами.

Поклонившись отчим богам, княжичи со свитой прямо с Яриловой горы отправились в Спасский монастырь, заказали там за звонкое серебро благодарственный молебен, а сверх того подарили обители добротную шубу с яхонтами и невесть откуда попавший в московский ратный обоз бочонок воска, примерно с полпуда весом.

Все боги приняли жертвы с явной благосклонностью, поскольку к вечеру небо расчистилось и в зенит поднялась огромная полная луна, отчего в Галиче и окрестностях стало так светло, что после заката запаливать факелов с лампами вовсе не понадобилось.

Прямо на улицах по приказу трех княжичей столы для горожан и накрыли. Ведь во взятом московском обозе припасов оказалось так много, что всему Галичу, от мала до велика, хватило бы их на всю долгую зиму, да еще и на половину весны осталось бы. Так отчего бы и не поделиться с добрыми людьми всем тем, что в амбары и погребов не влезает?

Веселись, столица князя Звенигородского, радуйся! Новую победу над врагом мечи русские принесли! Славные дети у Юрия Дмитриевича возмужали, надежная защита и опора для земли отчей!

На столах стояли закуски немудреные: грибы соленые, капуста квашеная, репа, копченая рыба, солонина да огурцы. Из питья – пиво, яблочная бражка да вареный мед. Однако же – дареному коню в зубы не смотрят. Чем угощают – тому и радуйся. Ешь от пуза, пей вдоволь, кричи князьям-боярам здравицы, новых побед им желай – и поболее!

В детинце, ради светлого вечера, столы тоже поставили во дворе. Тут и места больше, и погреб ближе, и копоты от светильников никакой, воздух свежий. А что подмораживает слегка – так разве таким пустяком русского ратника напугаешь в его меховых штанах, войлочном поддоспешнике, плаще с подбоем да в лисьем треухе? Русский боярин по легкому морозцу еще и расстегнется, дабы не так жарко сидеть оказалось!

Княжье угощение, как водится, заметно отличалось от уличных закусок. Княжеским гостям предлагались и доски с запеченной осетриной, и лотки с шукой в шафране, и подносы с кулебякой, и печеная убоина, покрытая янтарным жирком, но самое главное – во главе стола возвышался огромный медный трехногий котел с двумя массивными рукоятями в виде сплетенных телами змей.

Знаменитая братчина, символ единения княжеской дружины, до краев полная темного ароматного хмельного меда, пахнущего анисом, корицей и гвоздикой.

По бытующей в Галиче легенде, из сей братчины сам великий Святогор на пирах княжеских угощался, с легкостью трехведерный сосуд поднимая и за раз выпивая больше половины. Ныне же, известное дело, – люди измельчали, дружины разрослись, а потому испытать первым из общей братчины стало не столько великой честью, сколько испытанием, каковое знатный правитель раз за разом прилюдно проходил.

– Ну же, други мои верные, братья мои по походам ратным, по крови пролитой, по дорогам истоптанным, по рекам вспененным, – не стал тянуть Юрий Дмитриевич, сбросив шубу на руки холопу, – за вас сию чашу пью и за победу вашу!

Князь Звенигородский подступил к братчине, взялся за рукояти, напрягся и поднял чашу. Стоящие рядом сотники тут же громко и радостно воскликнули:

– Да! Да, поднялась! Силен еще наш князь! Ако дуб столетний крепок!

Юрий Дмитриевич сделал глоток, облегченно выдохнул и отступил от чаши. Шумно рухнул на высокое кресло, стоящее в изголовье стола.

– Любо князю! Любо воеводе! – закричали столпившиеся воины. – Слава!!!

В том, что их любимый полководец, всю жизнь, начиная с пятнадцати лет, водивший дружину от победы к победе, смог поднять братчину, не усомнился никто – даже те, кто из-за спин ближних, самых знатных бояр ничего не разглядел. Ибо правитель Галича потерпеть неудачу никак не мог! Ни в чем и никогда!!!

Однако вслед за отцом к братчине теперь подступился княжич Василий Юрьевич – и бояре разошлись намного шире. При всем восхищении победителем громадной московской рати давать ему послабление никто не собирался.

Старший сын скинул плащ, отбросив его на скамью, подступился к огромной чаше. Взялся за рукояти, ненадолго замер, потом резко выдохнул и напрягся. На миг в детинце повисла тишина – а затем братчина дрогнула, жидкость в ней пошла от краев к центру мелкими волнами, качнулась...

– Оторвал!!! – радостно закричали многие голоса, а иные из дружинников хлопнули в ладони. – Ай да княжич! Поднял братчину! Молодец Василий Юрьевич! Как есть поднял! Любо! Любо! Княжичу слава!

Юный победитель сделал маленький натужный глоток и буквально уронил чашу обратно. Впрочем, поднять ее добру молодцу удалось от силы на полвершка – так что ни капли меда через края не пролилось.

Теперь настала очередь Дмитрия – второго сына и третьего по старшинству человека в Галиче.

По старшинству – но не по возрасту. Богатырем в свои двадцать лет еще безусый и безбородый княжич пока не стал, хотя и вымахал уже крупнее многих воинов. Однако же характер он унаследовал отцовский, булатный. Посему трехпудовой братчины ничуть не испугался, под взглядами десятков бояр решительно к ней подступил, протянул руки...

– Постой, сынок, – неожиданно остановил его Юрий Дмитриевич. – Ты не обижайся, но хочу я сегодня особое уважение к своим бывалым соратникам проявить, каковые в сем походе вам помогали. Дозволь храброму сотнику моему, боярину Колояру Дивовичу вперед тебя к братчине подойти?

Княжич Дмитрий с явным облегчением перевел дух, отступил на шаг в сторону и поклонился:

– Воля твоя, батюшка. Боярина Колояра я уважаю, он храбр и опытен. Пусть первым меда братского отопьет!

Хитрость галичского правителя лежала на поверхности – но кто станет спорить со всеми уважаемым и любимым властелином? И кому захочется позорить Дмитрия Юрьевича в такой радостный день?

– Ну, коли так... – Словно бы в сожалении пожал плечами и третий княжич, совсем юный Дмитрий, посторонился вслед за братом и пропустил вперед седобородого, явно пожилого, кряжистого воина в рысьем плаще, накинутом поверх синего кафтана из вельвета с очень крупным рубчиком. Воин выглядел почти на голову ниже самого молодого витязя, а белое, словно бы выцветшее лицо покрывала паутинка морщинок.

– Твое здоровье, княже, – степенно склонил голову сотник. Огладил бороду, решительно взял братчину за рукояти... Его плечи задрожали от напряжения, и огромная чаша заметно оторвалась от стола. Воин сделал пару глубоких глотков, вернул братчину на место, отер тыльной стороной ладони усы и громко крикнул: – Хорош мед у Юрия Дмитриевича, и служба у него хороша! Быть ему слугой верным честь великая. Любо воеводе!

– Любо, любо! – подхватили остальные дружинники, и место боярина Колояра занял сотник Гордей, сын Полуяра. Воин еще молодой и не самый знатный, однако высокий, статный, косая сажень в плечах. Кабы не глубокие оспины по всему лицу, так и вовсе писанный красавец.

– Ладно-ладно, давай. Рыжим можно и без очереди, – добродушно усмехнулся не поспевший к братчине боярин Всеслав, ростом заметно уступающий молодцу, а в плечах и вовсе почти вдвое.

Гордей, рыжими у которого была только короткая курчавая бородка, лисья шапка да лисий же ворот рысьего плаща, взялся за рукояти, уверенно приподнял чашу, испил, аккуратно поставил обратно, отер усы, поклонился галичскому правителю:

– Хорош твой мед, Юрий Дмитриевич, и служба у тебя хороша! Верный я твой слуга до гроба. Любо князю!

– Твоя служба – честь для меня, – ответил князь. – Садись же к столу, преломи хлеб со мною и друзьями моими!

Тем временем боярин Всеслав, скинув каракулевый плащ на руки слуге, уже примерялся к братчине. Причем скрыть беспокойство ему никак не удавалось... Вестимо, в этот миг он жалел, что является чухломским властителем, совсем немного уступающим знатностью московским князьям.

Боярин взялся за рукояти чаши. Лицо налилось кровью от натуги – однако чаша дрогнула, качнулась...

– Поднимается, поднимается! – ободряюще загомонили дружинники. – Пей, боярин, пей! Всеслав Чухломский торопливо коснулся губами братчины, тут же уронил ее обратно и облегченно поклонился князю:

– Твой мед хорош, Юрий Дмитриевич, и служба у тебя есть честь великая! Клянусь быть верным слугой твоим, покуда жив. Любо!

– Твоя служба честь для меня, боярин Всеслав! – широко улыбнулся ему властитель Звенигорода, Вятки, Галича и Рузы. – Садись к столу, наливай себе вина, выбирай расстегаи. Хочу с тобою хлеб преломить, мой верный витязь!

Место возле братчины занял престарелый Басарга Тютечев. Силы у него стали уже не те, давно не те – однако же упрямства боярину было не занимать, и своего места на очереди к общей чаше он никогда никому не уступал.

За столом на миг повисла напряженная тишина... Однако седобородый старикашка, оскалившись и напрягшись, резко выдохнул и – вестимо, на одном упрямстве – приподнял братчину примерно на полтора вершка, быстро сделал три глотка и буквально уронил обратно...

– Слава, боярин Басарга! – не выдержав, одобрительно выкрикнули сразу несколько дружинников. – Настоящий богатырь!

– Зело..! – Князь Звенигородский в восхищении вскинул руки, но сказать что-либо еще не смог, ибо рядом с ним, придвинув ближе скамью, сел княжич Василий, удерживая в руках полный ковш черного пенного кваса.

– День кончается, отец! – сказал юный воевода и сделал несколько глотков из резного липового корца. – Надобно с вечера о грамотах призывных и гонцах позаботиться, дабы с утра вестников разослать. День нынче короток, каждый светлый час на счету!

Старший из Юрьевичей так и не накинул плаща, оставшись лишь в поддоспешнике – крытом малиновым атласом, часто простеганном ромбиками и украшенном в нескольких местах, на груди и на подоле, янтарными ромашками в золотой оправе. Хотя после глотка из братчины прошло уже изрядно времени, выглядел он все равно разгоряченным, словно бы после скачки, и дышал часто и тяжело.

Не дождавшись ответа, Василий поспешил добавить:

– Медлитель нельзя, батюшка! Московские полки мы скорее разогнали, нежели разгромили. Припасов и оружия лишили, по лесам рассеяли, однако крови, почитай, не пролили вовсе. Вернутся они по домам, мечи да копья из кладовок повытаскивают, щиты новые сошьют, крупу, да солонину из амбаров на телеги покидают и к Васильевой коляде¹² снова окажутся готовыми к походу. Той же силой, а то ведь еще и более исполчат! Наступать надобно прямо сейчас, отец, пока они в раздрае и остановить нас не в силах! Как лед на Волге встанет, так сразу и выступать. Полкам же правобережным хорошо бы местом сбора сразу Нижний Новгород назначить.

– Куда ты так спешишь, сын мой? – слабо пожал плечами властитель Галича. – Утро вечера мудренее. Выпейте, подкрепитесь. Отоспитесь хорошенько в тепле, на перинах мягких. А там подумаем.

– Некогда спать, отец! – покачал головой Василий Юрьевич. – Мы победили, и надобно собрать плоды сего успеха!

– Разве тебе мало полных амбаров, табунов лошадей и добытой славы? – откинулся на спинку кресла князь Юрий Дмитриевич. – Столь великой добычи, каковую вы привезли в Галич, мы не видели уже много лет!

---

¹² Васильева коляда – 13 января. В этот день положено варить свиные желудки (из припасов), а живых свиней нужно угостить блинами. Если в ночь на этот день ветер дует с юга – лето будет жарким, если с запада – обильным на рыбные уловы и надои, если с востока – то урожайным на фрукты. Приметная, в общем, дата.

– Да плевать на эти железки! – Княжич рубанул рукою воздух, едва не расплескав весь квас. – Мы можем забрать Суздаль, Владимир, Шую, Клин! Можем взять Москву! Надобно просто поспешить! Дойти быстрее, нежели они успеют восстановить свои силы!

– Далась тебе эта Москва? – устало поморщился Юрий Дмитриевич. – Грязный вонючий городишко в окружении глинистых грядок. Наш Галич куда красивее. И воздух здесь сладкий, и озеро под стенами, и леса округ густые, дичью полны. Земли же еще богаче. Зачем?

– Потому что там московский стол! – Василий поднес ковш к губам и залпом выпил больше половины кваса. – И потому, что они не дают нам покоя! Зачем ты вернул племяннику столицу?! Ведь московский стол твой – по закону и справедливости!

– Опомнись, отрок, с отцом говоришь! – повысил голос князь. – Отдал, значит, так надобно!

– Нет, правда, отец! – Оказалось, что оба Дмитрия тоже приблизились к креслу, стоя за спинкой. – Зачем ты отдал Москву литовскому отродью?!

– Замолчите все! – гневно ударил ладонями по подлокотникам властитель Галича, Рузы, Звенигорода и Вятки и вскочил с места.

Над столом мгновенно повисла мертвая тишина. Дружинники, собравшиеся на победный пир, замолчали, повернули головы к своему князю, ожидая его приказов.

Юрий Дмитриевич скользнул взглядом по встревоженным лицам воинов, по ковшам и блюдам перед ними, по полупустой уже братчине, к которой подступали теперь не сотники, а десятники и простые витязи, и потому интерес зрителей к сему действу изрядно угас, по расставленным тут и там бочонкам с квасом и медом...

Правитель втянул носом воздух, провел ладонью по окладистой седой бороде и заставил себя улыбнуться:

– Долой пустые споры! Ныне мы собрались веселиться, гулять и праздновать! Сын мой старший крепость руки своей и характера показал, и младшие ему в честь столь же достойными ратниками оказались! – Повернувшись, князь по очереди обнял каждого из своих сыновей, снова опустился в кресло и обратился к дружине: – Ныне за них пить станем и токмо их славить! Дела же все пустые забудем, дабы ум наш попусту не тяготили! – и уже намного тише, только для сыновей, добавил: – Великая победа, великое веселье. Семь дней чтобы я ни о каких новых походах ничего не слышал! Через неделю, дети мои, как восторг общий уляжется, тогда и поговорим. Через неделю – и ни днем ранее! Сегодня же чтобы я вас больше не замечал! Сегодня дружина наша пир победный гуляет!

16 ноября 1433 года. Нижний Новгород, Татарские ворота

Князь Василий Ярославович, властитель Серпуховской и первый московский воевода, стоял на высоком обрыве под крепостной стеной и задумчиво смотрел на черные волны широкой реки, медленно текущей на юг.

Выглядел великокняжеский воевода не самым лучшим образом: грязный и драный плащ, короткие замызганные волосы, заляпанные глиной шаровары, заправленные в столь же неопрятные сапоги. Князь Василий за минувшие дни так и не поменял одежду, в которой три дня пробирался через лес, ночуя у костра на лапнике, утоляя жажду из луж и обедая опаленной над огнем полусырой кониной. Он принял сие добровольное унижение в качестве наказания за разгром на берегу Куси. Позорный разгром крохотной кучкой галичан огромной московской армии...

Надо сказать, московские бояре держались иного мнения. Они называли князя Серпуховского спасителем государя, храбрецом, умелым воеводой, не растерявшимся в миг великой опасности. И да – его начали уважать даже куда более опытные воины, князья и бояре. Каковы в случившейся сече, так уж сложилось, чего только и смогли – так это ноги свои успешно унести. А он, первый воевода, в жаркой кровавой схватке спас государю жизнь...

Но теперь все осталось далеко позади. Погони не случилось. Галичане не стали преследовать разгромленную московскую армию. Отступившие полки благополучно переправились через реку, и воевода распустил их отдыхать по домам и вотчинам.

Великий князь Василий Васильевич не получил в сражении ни единой царапины и вроде как даже не испугался. А прихваченная у берегов первым ледком Волга обещала вскорости стать непроходимым препятствием на пути возможного врага. Морозы явственно подступали, обещая со дня на день накрыть воду прочной ледяной коркой. Слишком прочной, чтобы прорываться через нее на стругах или ладьях – но все еще неспособной выдержать ни человека, ни лошади. От ледостава до налаживания первых переправ пройдет никак не меньше месяца. Если галичане желали продолжить войну – они явственно опоздали.

Словно бы в подтверждение мыслей воеводы в воздухе медленно закружились крупные рыхлые снежинки. Они падали на жухлую траву, на землю, налипали на ветви деревьев, на заборы и стены домов – и таять явственно не собирались. Зима решительно объявляла о своей власти над этим миром. Она тоже побеждала...

– Что же это за проклятие на мне такое? – пробормотал юный воевода. – Никогда не отступал, не трусил, всегда первым в битву бросался! За решительность и умение ратное хвалят меня все, ни единый боярин ни в чем не попрекнул! Отчего же я тогда все свои сражения проигрываю? Что ни схватка, завсегда под конскими копытами заканчиваю! За что же мне такое наказание?

Рядом послышалось осторожное покашливание. Холоп в добротном синем зипуне, скинув шапку, низко поклонился воеводе:

– Прости за беспокойство, Василий Ярославович. Я бы не посмел отвлекать тебя от важных дум, однако же государь спрашивает, когда ты полагаешь выехать с ним в Москву?

– Когда мы возвращаемся? – задумчиво переспросил князь Серпуховской и поднял глаза к небу. – До сумерек еще несколько часов. Передай постельничим, пусть седлают коней и скачут вперед в Дудин монастырь¹³, готовят покои для завтрашнего отдыха Василия Васильевича. А прочих холопов отправь собирать обоз. Скажи, с рассветом государь отбывает в столицу.

23 ноября 1433 года. Москва, Кремль

Будь на то воля юного Великого князя, он въехал бы в столицу темной ночью да к заднему крыльцу и пробрался домой через черный ход. Но звание государя не позволяет правителю появляться иначе, нежели через главные ворота, и спешиваться в ином месте, нежели перед главным крыльцом Большого дворца.

Одно лишь радовало: в колокола Москва в честь государя не звонила, и толпа встречающих на улицах почти не собралась – не больше сотни зевак к проезду выбралось на битых витязей поглазеть.

Сама его армия выглядела весьма скромно. Полки были распущены еще у Волги, купаться в лучах славы никто из бояр, понятно, не рвался – и потому полки тихо рассеялись по дороге. В Боровицкие ворота вместе с Василием Васильевичем въехала только его малая свита, две сотни телохранителей да князь Серпуховской со столь же малой личной дружиной.

Получив известие о возвращении воинов, Великая княгиня и княгиня-мать вышли встречать своих мужчин. У величавой Софьи Витовтовны хватило терпения спокойно наблюдать с высоты, как ее сын спешивается у ступеней. Мария Ярославовна же не выдержала – сбежала вниз и кинулась мужу на шею:

– Как ты, Васенька?! Цел ли ты? Не ранен? – Шестнадцатилетняя правительница осыпала лицо юного супруга поцелуями: – Да сказывай же! Как оно было? Как ты вырвался из их лап?

---

¹³ Ныне город Дзержинск.

– Брат твой вытащил... – кивнул чуть назад через плечо Великий князь. – Заместо меня под удар подставился.

– Васенька, милый! – Отпустив мужа, девочка обняла первого московского воеводу. – Век благодарна стану! Ты сам-то как, не ранен?

– Чуток помяло, – пожал плечами князь Серпуховской. – Но обошлось.

– Слава радуницам! – Мария Ярославовна по очереди чмокнула в щеку брата, а затем и мужа, зацепилась ладошками за локти мужчин и вместе с ними поднялась на крыльцо, где всех троих и встретила Софья Витовтовна.

– Рада видеть тебя в целости и здравии, мое возлюбленное чадо. – Княгиня-мать троекратно поцеловала сына в щеки, а затем и в лоб. – Заждались мы уже вас. Бани все истоплены, столы накрыты, кровати перестелены. Наконец-то отдохнете!

– Спасибо, матушка, – кивнул государь.

– Тебя я тоже рада видеть, Василий Ярославович. – Первого воеводу женщина наградила объятиями и двукратным поцелуем в щеки. – О подвиге твоём слышана. Низкий тебе за него поклон.

– Защищать государя нашего, себя не жалея, есть мой долг святой, Софья Витовтовна! – четко и громко ответил князь Серпуховской.

– Отобедаешь с нами, княже?

– Прошу прощения, Софья Витовтовна, но если государь позволит, я хотел бы на свое подворье отлучиться. Запылился я в дороге изрядно, надобно в порядок себя привести да детей боярских на отдых определить.

– Отдыхай спокойно, Василий Ярославович, – милостиво кивнул Великий князь. – Ближайшие недели служба твоя не надобна. Тревожных вестей с порубежья нашего не приходило. Распутица... Сухопутных дорог уже нет, а речные еще не встали. Отдыхай.

– А вдруг галичане к Москве выступят? – полушепотом, в самое ухо спросила девочка. – Они же победили, захотят успех свой усилить!

– Не беспокойся, любая, – покачал головой Василий Васильевич. – Дядюшка так поступать не станет.

– С твоего позволения, сестра? – Василий Ярославович отвлек Великую княгиню, обнял. По-родственному, в щеки, расцеловал. После чего поклонился царственной чете и быстрым шагом сбежал вниз по лестнице.

– Дозволь проводить, государь... – Холопы распахнули двери, и свита окружила вошедшего во дворец Великого князя. Кто-то забежал вперед, кто-то семенил сзади, кто-то притирался сбоку. К людям государя примешивалась свита Великой княгини, добавляя суеты, и девочка внезапно не выдержала:

– Оставьте нас в покое! – решительно гаркнула она.

Дворян шарахнулась в стороны. Замерла. Кто-то неуверенно напомнил:

– Государя надобно после долгой дороги разоблачить...

– Я сама способна раздеть своего мужа! – отрезала Мария Ярославовна. – Мы не виделись слишком долго, и я желаю сама услужить уставшему супругу! Оставьте нас одних!

Воля государыни – закон. Даже если ей всего шестнадцать лет и даже если она нарушает заведенные обычаи. Все равно – это закон. И потому обе свиты лишь покорно склонили головы.

Благодаря этой вспышке гнева в покои Великого князя юные супруги вошли вдвоем, оставшись наедине в просторной горнице, выстеленной персидскими коврами, обитой ногайской кошмой, с заштукатуренным и расписанным диковинными птицами потолком, со многими добротными сундуками вдоль стен, столом и креслами у слюдяного окна.

Здесь влюбленные наконец-то смогли поцеловаться жадно и жарко, не сдерживая чувств. Василий Васильевич сам сбросил шапку, расстегнул плащ, стал торопливо расстегивать крючки ферязи:

– Проклятье! Зачем же они их тут столько нашили?

– Позволь мне, сокол мой, – развела его руки девочка и принялась один за другим разъединять застежки.

Царственный юноша застонал.

– Что, больно? – испуганно вскинулась девочка. – Ты ранен?

– Просто медленно! – Государь обхватил ее лицо ладонями и крепко поцеловал. – Ты даже не представляешь, горлица моя, как я по тебе соскучился!

– И я по тебе, душа моя, – сглотнув, ответила Мария. – Ты даже не ведаешь, как я за тебя боялась! Сидеть здесь, в неведении, и гадать, как оно там с тобою? Кому я токмо ни молилась, кому только жертв ни приносила! Вижу, помогло. Уберегли тебя радуницы отчие и Макошь с Иисусом.

– Это брат твой меня выручил, когда с рындами галичанскую атаку сбил, – покачал головой правитель. – Думали, сгинул в сече, стоптали. Однако же спустя несколько дней вышел Василий Ярославович к Волге, вернулся. Живой и невредимый.

– Страшно было, сердечко мое? – Девочка вскинула на мужа испуганный взгляд.

– Нет, – покачал головой Великий князь. – На всю свиту даже стрелы случайной и то не упало. Как бояре поняли, что Юрий Дмитриевич врасплох нас застал, так сразу меня куда подальше с поля и утащили. Вот в прошлый раз, тогда да, все перепугались чуть не до икоты. О прошлом разе Юрий Дмитриевич свои пушки в поле вкопал и по нам из них чуть не в упор из них шарахнул! Дым, грохот, лошади с ног летят, по броне галька хлещет!

Юная княгиня вздрогнула и даже отпрянула от мужа:

– Вот видишь! Юрий Дмитриевич из пушек по вам стрелял, а ты его защищаешь! Сказываешь, что не тронет!

– Дядюшка меня любит. Сколько себя помню, всегда меня баловал, – слабо улыбнулся Василий Васильевич. – Подарки приносил, играл со мною, обещал в свою дружину в новики взять. Он меня любит и вреда не причинит.

– Войной на тебя ходить – это разве не вред?! – возмутилась Мария.

– Покамест это не он на меня, а я на него, – покачал головой Великий князь, самостоятельно продолжив борьбу с крючками. – А он все прощает, уступает да милует. Хотя и побеждает.

– Но почему?! – не поняла Великая княгиня.

– Он мой дядюшка, я его племянник, – пожал плечами Василий Васильевич. – Он меня любит, а я его. Сколько помню, он меня больше, нежели отец родной, холил и баловал. Игрушки первые детские от него, пони серого именно он мне подарил, когда пять лет исполнилось. Кинжал первый от него, пояс от него. В юности именно он мне первую броню подарил, байдану на вырост. А как я взрослым стал, то стол московский в подарок от него получил. Он же полгода назад нас с тобою сюда сам вернул, по одной лишь своей доброй воле! Как можно не любить такого дядюшку?

– Если любишь и он тебя не воует и балует, зачем тогда ты сам на него нападаешь? – совсем уже запуталась царственная девочка.

– Да матушка совсем заела... – Отбросил наконец-то сдавшуюся ферязь Великий князь и устремился к Марии. – Докажи да докажи, что он в твоей власти! Победи и помилуй, победи и помилуй...

Его губы коснулись уголка ее рта, щеки, потом шеи, ладони жадно скользнули по бокам, спине, опустились к юбке...

– Дозволь мне исполнить свой супружеский долг, мой ясный сокол... – попросила Великая княгиня. – Садись на сундук.

Василий Васильевич довольно улыбнулся, сел на сшитый из ясеня ящик с медной окантовкой.

Девочка медленно опустилась перед ним на колени. Взяла в руки левую ногу, крепко вцепилась пальцами в пятку, напряглась, стянула сапог и откинула в сторону. Затем сняла второй, отставила, поднялась и поспешила к двери.

– Стой, ты куда?! – возмущенно подпрыгнул Великий князь, нагнал юную супругу, схватил за руку. – И это все?!

– Знамо, все, желанный мой и ненаглядный, – провела ладошкой по пушистой щеке своего восемнадцатилетнего мужа девочка. – Али ты забыл, что баня нас с тобою поджидает протопленная? Там и простыночки чистые, и рубахи свежие, и вода горячая, и квасок холодный, и стол накрытый.

Государыня распахнула дверь и крикнула наружу:

– Княжьего постельничего сюда! Банный халат Великому князю!

* * *

Насколько славно за два с небольшим часа удалось попариться государю Василию Васильевичу и государыне Марии Ярославовне – неведомо, ибо происходило все сие за запертыми дверьми. Однако же вышли они горячие и совершенно умиротворенные, держась за руки и нежно переглядываясь. И вопреки исстари заведенному обычаю – по своим покоям не разошлись, так плечом к плечу и удалились в опочивальню к Великому князю.

Впрочем, молодежь никогда не понимает обычаев, заведенных мудрыми престарелыми предками.

Вот пройдет лет сорок – тогда сторониться друг друга и начнут.

В восемнадцать же – каждая минута бессмысленной разлуки за вечность принимается!

И потому завтракали супруги тоже вдвоем, жадно глядя друг другу в глаза.

– Я ведь могла тебя потерять! – внезапно сказала Мария. – Достаточно одного случайного выстрела, камня, брошенной сулицы – и все! Все будет кончено! Это какая-то несурзаца: побеждать, чтобы миловать! Если вы с дядюшкой так любите друг друга, ну так давайте держаться вместе, одной семьей. Зачем нужна война, чтобы стать своими?

– Матушка говорит, нужно доказать дядюшке, что я способен одержать над ним верх, – ответил государь. – И тогда можно оказать ему милость и простить.

– Прости его сейчас! – протянув руку, схватила мужа за пальцы Мария Ярославовна. – Просто прости и все! И пусть настанет мир! Юрий Дмитриевич простил тебя за то, что ты снарядил на него поход, а ты прости его за... За что ты должен его простить?

Василий Васильевич вытянул пальцы из ее ладони и крепко сжал в кулак.

– Неважно, за что! – не стала настаивать девочка. – Нужно уметь прощать!

– Нет за моим дядюшкой никакой вины, – признался Великий князь. – Просто матушка настаивает, что надобно показать характер.

– Легко показывать характер тому, кто все равно прощает тебя за все оплошности! – покачала головой Мария Ярославовна. – И все равно... Брошенное копье не знает о вашей симпатии. Пущенная стрела не ведает, что вы желаете милости друг для друга, пушечная карточка не знает жалости. Зачем все это, Василий, зачем?! Васенька, я не хочу тебя хоронить! Ты слишком молод для смерти, а я не хочу становиться вдовой!

– Не кричи, – попросил Великий князь.

– Я боюсь, – перейдя на шепот, призналась девочка. – Я боюсь потерять наше счастье. Боюсь потерять тебя. Я не хочу с тобой расставаться!

– Мы больше не расстанемся, – покачал головой Василий Васильевич. – Два раза попробовал – и хватит. Как бы после третьего раза Юрий Дмитриевич и правда всерьез не обиделся! Моего дядюшку все равно невозможно победить. Не стану и стараться. Все, моя лебедушка,

теперь все! Больше мы с тобою не расстанемся. Будем вместе всегда, и днем, и ночью. Более никаких разлук!

– Правда?! – радостно воскликнула Мария. Она вскочила, обежала стол и крепко обняла мужа: – Ты обещаешь?

– Я тебе клянусь, моя ненаглядная! – решительно ответил ей государь. – Я о сем раз сто успел поразмыслить, пока из заволочских буреломов домой выбирался. Все, хватит. Ты права. Коли Юрий Дмитриевич будет ко мне так добр, коли он снова простит меня за совершенную глупость, я должен ответить ему тем же. Больше никакой войны!

– Да, мой сокол! Да, моя любовь... – Великая княгиня наградила своего мужа за ответ горячим поцелуем. Потом еще одним. – Как же хорошо, как покойно сразу на душе моей стало. Мы будем рядом всегда!

– Всегда, моя ненаглядная! – согласился Василий Васильевич.

– И все-таки интересно, – вдруг проснулся в душе юной женщины червячок любопытства. – Почему Юрий Дмитриевич так к тебе относится? Софья Витовтовна уверена, что он обязательно все простит. И ты уверен, что обязательно все простит. Так почему он тебя всегда и за все прощает?

24 ноября 1433 года. Галич, детинец, княжеские покои

Ночь оказалась для князя Юрия Дмитриевича долгой и тяжелой. Печальные думы никак не давали властителю многолюдного стольного Галича сомкнуть глаз, и, в конце концов, он не выдержал – поднялся, оделся, перешел в горницу перед опочивальней. Подбросил дров в топку печи, на россыпь крупных красных углей. Немного выждал, пока березовые поленья полыхнут, зажег от них свечу, от свечи – фитили в трехрожковой масляной лампе, уселся в стоящее посреди комнаты кресло и задумчиво уставился в черное слюдяное окно.

Явившиеся поутру слуги не посмели тревожить покой господина – неслышными тенями скользнули по горнице, заправляя маслом светильники, осторожно поставили на стол миски с изюмом и курагой, с медом и ревенем, блюдо с порезанными на дольки холодными яблоками, запотевший глиняный кувшин, покрытый глянцевым рисунком из переплетенных сине-зеленых лепестков. Разложили на скамье бархатные шаровары и длинную исподнюю рубашку из белого шелестящего шелка, прошитую золотой нитью ферязь из тонкого и мягкого индийского сукна.

Разумеется, одевать правителя было обязанностью старшего спальника – но кто посмеет указывать князю, что именно и когда ему надлежит делать? Раз пожелал облачиться сам и во вчерашнее, – значит, так тому и быть. Спрашивать Юрия Дмитриевича, станет ли он переодеваться в свежее или нет, – никто не дерзнул.

Коли князь пожелает – распорядится сам.

Однако властитель Галича молчал. И потому дворня, исполнив свои обязанности, поклонилась ему в спину и бесшумно исчезла за дверью, оставив повелителя наедине с быстро светлеющим окном.

В комнате снова наступил покой. За окном между тем становилось все светлее, и через двойной слой слюды стал просматриваться неровный контур крепостной стены, немногим более светлое пятно озера за ним и почти белое небо.

Снаружи послышалось пыхтение, нарочито громкий звук шагов, шорохи и голоса. Наконец створка приоткрылась и хорошо знакомый голос поинтересовался:

– Ты уже проснулся, отец? Боярин Олай сказывал, поутру ты желал увидеть нас всех у себя.

– Заходите, дети мои, – разрешил князь Юрий Дмитриевич. – Василий, налей мне квасу. Дмитрий, подай яблоко. Как-то у меня во рту пересохло.

Княжичи поспешно прошли в горницу. На этот раз они были одеты по-домашнему: в скромных тафьях на головах, в наброшенных поверх полотняных рубаш длинных, до колен, ферязях без рукавов, в полотняных же темных штанах и в войлочных тапках вместо сапог. Старший Юрьевич поспешил к столу, наполнил из кувшина серебряный кубок. Младший, схватив блюдо, поднес его к креслу.

Юрий Дмитриевич съел несколько долек яблока, макая каждую в миску с медом, запил квасом, закашлялся и с неожиданной хрипотцой спросил:

– Вы все, я вижу, без мечей...

– Зачем они в доме, отец? – удивился средний Дмитрий.

– Принеси мой, сынок, – попросил князь. – Висит в опочивальне, возле изголовья.

– Да, батюшка... – Юноша прошел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с тяжелой перевязью, к которой крепилась сабля с наборной рукоятью из кости и янтаря, спрятанная в богатые ножны, украшенные золотыми накладками с самоцветами и эмалью.

Оружие, более пригодное для пиров и приемов, нежели для походов. Но все-таки оружие.

– Хорошо... – Принял у сына клинок Юрий Дмитриевич. Снова закашлялся и опять же с хрипотцой произнес: – Я хочу, дети мои, чтобы вы поклялись мне огнем Ярилы солнечного, Триглавы-праматери и именем господа нашего Иисуса Христа на отцовском мече, что не станете искать гибели государя нашего Василия Васильевича, племянника моего и вашего двоюродного брата, что станете ему верными слугами, честными воинами, любящими родственниками...

– О чем ты говоришь, отец?! – не выдержав, перебил князь Василий. – Он же сам ищет с нами ссоры! Это Москва оскорбляла нас, Москва дважды ходила против нас ратными походами! Нам надобно не милости у Василия искать, а дружиной своею на него идти! За оскорбления наказать, стол себе вернуть, справедливость установить! И мы вовсе не понимаем, батюшка, почто летом минувшим ты Москву ему по милости своей возвратил и снова князем Великим сделал?! Никак не понимаем! Скажите, братья?!

Старший княжич обернулся за поддержкой к обоим Дмитриям, и те согласно кивнули:

– Мы и вправду не понимаем сего, отец. Ведь по обычаям исконным это тебе, старшему в роду среди всех семей княжеских, русский трон принадлежит, и это ты великой державой нашей должен править! Почто ты достоинство свое раз за разом недорослю московскому уступаешь?

Юрий Дмитриевич допил квас, вернул кубок сыну. Шумно втянул воздух в легкие, тяжело выдохнул. Покачал головой.

– Долго думал я, дети мои, как вам сие рассказать. Всю ночь мучился, но так ничего и не придумал. Вестимо, придется признаться, как есть. Во всем до конца... – Могучий властитель Галича откинулся на спинку кресла. – Простите меня, дети мои, ибо я грешен. Простите меня, ибо государь Василий есть ваш родной старший брат.

Кубок выпал из рук Дмитрия и с грохотом покатился по полу.

– Мне нет прощения, дети мои, – заметно тише продолжил Юрий Дмитриевич. – Я был слишком юн и жаден, а великая слава помutilа мой рассудок. Я и Софья... Мы... Это было бесчестье, блуд, похоть, но мы принимали ее за великую любовь и за горячую страсть. Мыслью, совесть все же не умерла в моей душе, и потому я честно служил своему брату, стремясь искупить свой грех. Но разве подобную подлость посильно возместить простой службой? Василий верил мне, мой брат полагался на меня всегда и во всем. А я его предавал! Предавал всю свою жизнь. Простите меня, дети...

– Ты блудил с великой княгиней Софьей, отец? – выдохнул старший Дмитрий.

– Мой брат подозревал ее, мальчишки, – еще тише продолжил князь. – Ее, но не меня. И со смертного одра Василий взял с меня клятву, что я стану честным покровителем Москвы и справедливым судьей. Судьей над моей любовницей за свершенный ею со мною грех. Я испол-

нил сию клятву и покарал виновного. Я покарал себя! Я запретил себе занимать великокняжеский трон и именно поэтому вернул его Василию минувшим летом. По исконному обычаю за столь тяжкий грех, как прелюбодейство и измена государю, надлежит отвечать всему роду предателя. И так выходит, дети мои, вам также придется искупать мою вину, вслед за мной отрекшись от великокняжеского престола. Я хочу, я требую, чтобы вы ныне же принесли на моем мече клятву не искать Москвы и честно служить государю Василию Васильевичу, правителю русскому и вашему старшему брату! Примите из рук моих сию ношу. Токмо так вы очистите душу мою и мою совесть. Токмо после сей вашей клятвы я смогу спокойно принять свою кончину, с достоинством перейти Калинов мост и с чистой совестью взглянуть в глаза покойному брату своему. Ибо я согрешил, но я и покарал! Покарал себя по закону и справедливости и кару сию принял с надлежащим достоинством.

Князь Юрий Дмитриевич немного помолчал, а затем поднял перед собой саблю.

– Так что скажете, дети мои? – устало спросил он. – Готовы ли вы принести клятву, каковая дарует мне прощение и посмертный покой? Каковая позволит мне без стыда взглянуть в глаза брату своему и нашим предкам? Простите ли вы меня за грех мой великий и за тот позор, которым я покрыл весь наш род?

– Но почему, батюшка? – тихо спросил младший княжич. – Зачем ты это сделал?

На некоторое время в горнице повисла тишина. Потом властитель Галича пожал плечами.

– Недаром в народе сказывают, Дима, что любовь – зла, – размеренно проговорил он. – Ударила она по нам с Софьей с силою нестерпимой и в момент нашей общей слабости. Ударила сильнее, нежели удар копейный литовского всадника, ударила страшнее, нежели залп затинных тюфяков. Лишила нас и рассудка, и совести, отняла и честь, и силу. Все сожгла в пламени безумия похотливого, все истребила, закружила, заморочила! Сам не понимаю, как таковое и случилось-то? Однако же свершилось. Не устояли.

– Это потому, что она – ведьма! – зло прищурившись, неожиданно громко заявил Василий Юрьевич: – На Руси всем ведомо, что Софья Витовтовна – чаровница, ведьма литовская! Заворожила она тебя, отец! Заколдовала, заморочила!

– Разве сие есть оправдание, сынок? – Опустил свой меч на колени князь Юрий Дмитриевич. – Разве от того измена моя рассеется? Разве от того подлость подлостью быть перестанет? Али государь Василий от того из ваших старших братьев в обычные чужаки переменится? Ты ныне воевода успешный и умелый, мой храбрый мальчик. Вот ответь, простишь ли ты боярина, каковой измену свою ведьминым наваждением оправдает?.. Молчишь? Вот то-то и оно! Своим братом со смертного одра я назначен судьей справедливым греху своему! По чести и по совести карой главному преступнику я избрал лишение одного великокняжеского престола. И во искупление греха своего требую от вас сию волю признать!

– Выходит, все минувшие напасти случились из-за твоей любви, батюшка? – Младший из княжичей вздохнул и покачал головой. – Софьины скандалы, походы и битвы, доброта твоя к Василию Васильевичу? Надо же... А ведь в сказках любовь всегда к радости и счастью ведет...

– Тебе бы токмо сказки читать да о любви мечтать, – скривившись, хмыкнул Василий Юрьевич. – Красавчик ты наш...

Юный Дмитрий, резко повернув к нему голову, заметно порозовел лицом, отчего на щеках проступил нежный пушок. И уже через миг он сделал три шага вперед, взял саблю с коленей отца, дернул рукоять, полуобнажив клинок, и положил ладонь на сверкающую сталь:

– Ныне клянусь пред оком Яриловым, пред огнем родовым, пред землей материнской, клянусь на мече отцовском чтить государя нашего, брата моего Василия ако родича старшего и господина и никогда не искать московского великокняжеского стола! Если я нарушу сию свою клятву, то пусть сталь холодная напьется моей крови, не проявляя ко мне никакой жалости!

Княжич разжал кулак и отступил к окну. Слизнул проступившую на ладони кровь, негромко удивился:

– Острая...

– Теперь многое становится понятно, батюшка... – задумчиво произнес второй Дмитрий. – Это ты единолично державу нашу русскую выстроил. Ты дружину великокняжескую в походах возглавлял, ты города к повиновению приводил и победы ратные добывал. Мне всегда странным казалось, отчего всегда ты столь покорным и смиренным пред братом своим чахлым становился? Ан, выходит, ты не Василию Дмитриевичу служил, а княгине Софье Витовтовне! Ей победы приносил, ей славу свою жертвовал, ей семья свое отдавал. И через ее чрево еще один брат у нас, оказывается, живет... – Дмитрий Юрьевич подступил к креслу и встал рядом с отцом. – Твоя мужественность достойна восхищения, батюшка. Ты рождаешь только сыновей.

– Ты говоришь об этом так спокойно, Димка?! – Княжич Василий кинулся к креслу с другой стороны, схватился за спинку, горячо выкрикнул: – Ты согласен добровольно отречься от титула, каковой всем нам принадлежит по исконному наследному праву?!

– Если сия клятва успокоит совесть нашего батюшки в этом мире и дарует ему покой в мире грядущем, то да, я отрекаюсь, – спокойно ответил Дмитрий и положил ладонь на все еще полуобнаженный парадный клинок: – Ныне клянусь на мече отцовском чтить старшего брата моего Василия и никогда не искать московского великокняжеского стола! Отныне и до века! И если я нарушу таковую клятву, то пусть сия сталь холодная напьется моей крови, не проявляя ко мне никакой жалости!

– Нечто вы обезумели, братья, свою родовитость так просто на сторону отдавать?! – В изумлении развел руками Василий, отступил от кресла, с силой потер кулаком высокий лоб и вдруг расплылся в кривой усмешке, махнул кулаками в воздухе, в полный голос закричал: – Хотя нет, нет, я все понял! Вы же оба младшие, Дмитрии, вам все равно! Вам и так никогда не получить великокняжеского стола! Вам все равно, вам в этих спорах места нет... – Недавно удачно проявивший себя воевода круто повернулся к окну, уперся лбом в холодную радужную слюду. Немного так постоял, ругнулся себе под нос и вдруг резко повернулся к отцу. – Но ведь я-то старший, отец! Старший в роду я, батюшка, я! Я старше не только обоих Дмитриев, но и Василия московского, Софьиного сына, я тоже старше! Великокняжеский стол по праву должен быть моим!

– Ты кое о чем забыл, мое возлюбленное чадо. – Медленно покачал головой Юрий Дмитриевич. – В местническом счете не токмо отцовское родство значение имеет, но материнское тоже. Обычно его не замечают, ибо жены мужей своих завсегда худороднее. Но с Василием московским дело совсем иное. Софья Витовтовна есть дочь Великого князя Витовта, внука Великого князя Клейстуна и внука тракайской богини Беруты. В ее жилах течет кровь, величием своим даже моему отцу ничем не уступающая! Посему, при равной знатности по линии отцовской, по крови материнской ты своему брату уступаешь колена три, коли не более. Тремя годами возраста тебе стольких ступеней в суде местническом не одолеть. Даже если происхождение государя не по Великому князю Василию считать, а по мне, он все едино сильно знатнее тебя выходит! И посему я требую от тебя смирения, сын. Смирения пред старшинством государя Василия и пред моей отцовской волей!

Князь Юрий Дмитриевич Звенигородский крепко взялся за ножны своего меча, поднял его перед собой на вытянутой руке и сурово выдохнул:

– Клянись!

– Он мой брат! – зло оскалился Василий. – И я его старше!

– Но он потомок Витовта и Беруты! – повторил властитель Галича. – Ты же лишь мой старший сын. И потому клянись! Войны меж своими детьми я не допущу. Клянись немедленно или вместо моего покровительства ты познаешь мой гнев! Клянись!

Старший из княжичей скрипнул зубами, шумно втянул носом воздух. С силой мотнул головой – однако все же шагнул к креслу. Снова глубоко вздохнул, весь скривился, но все-таки взялся ладонью за полуобнаженный отцовский меч:

– Клянусь!

– В чем? – не отступил Юрий Дмитриевич, пристально глядя старшему сыну в глаза.

– Клянусь признавать старшинство Василия московского, сына княгини Софьи, и не подыскивать великокняжеского стола! – Василий отдернул руку, стряхнул в сторону капельки крови и стремительно выскочил из горницы.

29 ноября 1433 года. Москва, Кремль, покои княгини-матери

Пробежав свиток глазами, Софья Витовтовна, слегка наклонив голову, неуверенно потеребила гусиное перо. Затем решительно макнула его в чернильницу, размашисто подписала грамоту. Подумала еще немного, отошла к печи, открыла дверцу и бросила письмо в топку. А следом – и перо. Снова вернулась к пюпитру, встала за ним. Замерла, вглядываясь в яркий прямоугольник близкого окна.

В дверь осторожно поскреблись. Выждали. Затем створка медленно приоткрылась. Снова ненадолго замерла – и распахнулась уже полностью. Кривобокий чернобородый мужчина с перехваченной широким ремнем охапкой дров вытянул шею и, убедившись, что правительница не оглядывается, решил прикинуться невидимкой: слегка поклонился, пробрался к печной кладке, неслышно ступая по толстой кошме мягкими валенками. Присел, как можно тише извлек из охапки пять поленьев. Открыл створку, бросил деревяшки в пламя, закрыл печь, выпрямился. Еще раз осторожно посмотрел в спину княгини-матери, отступил к двери. Оттуда торопливо поклонился и закрыл дверь в светелку.

– Ну, что? – в один голос спросили две сторожившие в коридоре пожилые женщины. Судя по одеяниям – черепаховые кокошники и бархатные сарафаны, – весьма знатные. – Как она?

– Задумалась о чем-то, – пожал плечами истопник. – Даже не оглянулась.

– Верно ли с княгиней все хорошо? – не отступали боярыни. – Вестимо, раньше она так надолго свиту не отсылала. Читает ей обычно государыня, пишем мы. Она же токмо диктует. А ныне с рассвета одна и носу из светелки не кажет.

– Кто я таков, чтобы Великую княгиню вопросами тревожить? – Слуга встряхнул заметно поредевшей охапкой. – Прощенья просим, боярыня. Печи у меня...

Он поклонился и двинулся дальше по полутемному коридору.

Оставшиеся вдвоем женщины потрогали створку двери, прислушались.

– Ладно, – наконец сказала одна из них. – Коли Софья Витовтовна желает уединения, такова ее воля. Будем надобны, позовет.

Служанки переглянулись, одернули сарафаны и решительно скрылись в комнате напротив, откуда доносился негромкий разноголосый говор.

Между тем Софья Витовтовна разложила на пюпитре еще один лист мелованной бумаги с тиснением в виде двуглавого орла наверху страницы, прижала его снизу тонким костяным ножом, а сверху округлой золотой песочницей. Достала из шкатулки новое перо, проверила его заточку. Несколько раз подряд ткнула белым кончиком в чернильницу и стремительными росчерками вывела:

*«Мой драгоценный витязь! Я знаю, годы не властны над нашей любовью. Я никогда не поверю, что твоя страсть слабее моей, что она иссохла, ако библейская смоковница, что ты забыл меня и не желаешь снова сомкнуть свои пальцы с моими. Вестимо, наши титулы при-
нуждают нас к поступкам, каковые выжигают наши души. Однако в наши годы нам пора обрести свободу. Наши дети возмужали. Они научились сами держать меч и повелевать землями, оберегать порубежье и собирать казну. Наша забота ныне токмо тяготит их, а не*

помогает. Так давай не станем докучать им и наконец-то подумаем о себе. О своих душах и о своем счастье. Ничто не мешает и тебе, и мне удалиться в уединенную обитель, скрыться от глаз людских. И как мы станем там жить, каким богам молиться, как закончим наши годы, уже никто и никогда не узнает. Пусть остаток дней наших, мой желанный витязь, наполнится тем счастьем, о коем мы мечтали всю свою жизнь...»

В этот раз перечитывать послание женщина не стала – подписала, присыпала тончайшим, как мука, песком, тряхнула страницу, сдула песок, спешно скрутила бумажку в свиток. Немного выждала, пошевелила пальцами. Затем сняла один из перстней с крупным агатом в окружении крохотных изумрудиков, просунула получившийся свиток в него и торопливо положила на пюпитр. Вдохнула, все еще колеблясь, вскинула руку – и замерла.

Недоуменно скользнула взглядом по сторонам...

Но колокольчика так нигде и не увидела.

Да и откуда ему взяться в покоях вдовой государыни? Всю ее долгую жизнь любые пожелания Великой княгини немедленно исполнялись женщинами из свиты. Стоило лишь шевельнуть пальцами или произнести всего полслова – все исполнялось как бы само собой.

Софья Витовтовна уже и забыла, когда самолично призывала слуг.

Впервые за много, много лет ей пришлось самой идти к двери, самой ее открывать и самой громко кричать в коридор:

– Пелагея!!! Ты где?!

– Всегда к твоим услугам, великая госпожа, – отозвалась из темноты верная ключница. – Ты велела мне отыскать надежного отрока. Так он здесь.

Ярко-рыжий курчавый паренек, одетый в синий зипун и зеленые шаровары, заправленные в валенки, влетел в светелку, словно от толчка, и торопливо склонился чуть не в пояс стоящей женщине.

– Мое почтение, великая госпожа! – выкрикнул он.

– Не ори, оглушишь, – отступила к пюпитру правительница.

– Я твой преданный раб, великая госпожа! – перешел на шепот отрок. – Сделаю все, что токмо пожелаешь! Ни сил, ни живота своего не пожалею!

– Знаю, мой мальчик, знаю. Коли за тебя поручилась Пелагея, стало быть, тебе можно верить. – Княгиня-мать взяла свиток, покрутила в руках, словно бы все еще сомневаясь, но все-таки решилась и протянула слуге: – Вот, бери. Скачи в Галич, отдашь сию грамоту князю Юрию Дмитриевичу лично в руки. Токмо сам и токмо лично в руки! Все понимаешь?

– Не сомневайся, матушка! – Распрямившийся рыжий юноша оказался вдобавок еще и конопатым, с зелеными глазами и большим приплюснутым носом. – Домчусь быстрее ветра, ни сна, ни отдыха не зная!

– Нет такой спешки, дабы лошадей загонять, – покачала головой Софья Витовтовна. – Коли убьешься в темноте, грамота, чего доброго, и вовсе потеряется. Посему просто отвези письмо. Быстро, но без глупостей. Пелагея даст тебе десять рублей на дорожные расходы.

– Десять рублей¹⁴?! – Глаза отрока влажно сверкнули крупными изумрудами.

– Честные слуги Софьи Витовтовны никогда не голодают! – чеканно отрезала ключница и поспешно потянула своего протеже из светелки. Вестимо, опасаясь, как бы он не сболтнул при хозяйке чего лишнего.

– Пелагея! – окликнула ее княгиня-мать. – Как гонца отправишь, свиту зови. Пусть меня к обеду готовят.

– Да, великая госпожа, – поклонилась холопка и выскочила за дверь.

---

¹⁴ Десять рублей по тем временам – это три коня или четыре коровы.

Софья Витовтовна вернулась к пюпитру, взяла перо, покрутила перед глазами. Затем вскинула ладонь и посмотрела на пальцы. Бросила перо, отошла к стоящему возле угла сундуку, подняла крышку. Оценила взглядом стоящие там в несколько рядов шкатулки, открыла одну. Поворошила ладонями ворох лежащих драгоценностей, выбрала перстенок с яхонтом, насадила на палец, сжала кулачок. Полюбовалась украшением, а затем опустила крышки.

В дверь постучали.

– Ну, наконец-то! – недовольно отозвалась правительница. – С голоду с вами умрешь! Ведите в трапезную!

12 декабря 1433 года. Южные плавни Галичского озера

Три морозные недели накрепко сковали озерный простор толстым ледяным панцирем, сделав доступными для людей и зверей обширные камышовые заросли, раскинувшиеся на заболоченной низине на восточном берегу Галичского озера, между глубокими водами и густым, но низкорослым осинником. В теплое время это была вязкая бездонная топь – временами бесследно сжирающая неосторожных путников. Мертвый луг – само название зеленого простора говорило о его дурной славе.

Однако проклятое место имело свою добрую сторону – множество длинных и толстых, сочных и сладких, скрипучих от крахмала корней рогоза, густо переплетающихся под самой поверхностью. И потому каждую осень, после первых заморозков сюда начинали собираться кабаны со всех окрестных лесов, разбивая еще тонкий лед крепкими копытами и разрывая клыками подмороженную топь – больше похожую на очень густой студень, пересыпанный крупной ледяной крошкой. Вслед за ними в месиво лезли хрюшки и поросята, выдергивая корни, перекусывая их, оттаскивали на лед и азартно пожирали с громким жадным хрюканьем.

А вслед за кабанями к Мертвому лугу тянулись и охотники...

Со стороны могло показаться, что князь Юрий Дмитриевич вывел свою дружину в ратный поход – ибо три сотни верных ему бояр скакали через озеро в полной броне и с саблями на боках; на плечах вместо шуб лежали плащи, легко сбрасываемые и не сковывающие движений, на луках седел болтались саадаки: длинные колчаны, полные тонких сулиц – боевых метательных копий. Удивляло только то, что все воины были без шлемов да без рогатин, без которых кованная рать в атаку не бросалась. Ну и обоз, заметно отстающий с каждым часом, состоял всего лишь из полутора десятков легкогруженных саней.

Когда до колышущейся коричневой стены увенчанных черными кисточками камышей оставалось примерно с полверсты, князь Звенигородский привстал на стременах, вскинул руку, громко объявил:

– Изгон ныне как обычно проводим, бояре! Правым краем через сии заросли до леса тихонько идем, опосля вдоль ольховника крадемся. Там в цепь вытянемся, на Мертвый луг поворачиваем и вскачь через него с посвистом идем, хрюшек пугая. Выгоняем всех кабанов на озерный лед и там забиваем. Первогодков не трогать! Пусть растут, сало нагуливают. Тех же, кто на вид больше пяти пудов, берем всех. Солонина лишней не бывает!

– Как скажешь, княже! Пять так пять! Воля твоя, Юрий Дмитриевич! – отозвалось сразу несколько бояр. – Дело обычное. А поросята пусть гуляют!

– Вот и славно... – совсем негромко, себе под нос, пробормотал властитель Галича и первым въехал в высокие густые камыши. Настолько высокие, что над кисточками возвышались толко лошадиные морды да сами всадники.

Дружина, вытянувшись в три колонны, словно бы плыла через коричневое озеро, поглядывая в сторону невидимого луга, откуда доносилось довольное похрюкивание и громкое чавканье.

– Сегодня будем с мясом, – тихонько пропел едущий справа и чуть позади Дмитрий-красавчик.

Красавчик – именно так начал дразнить княжич Василий младшего брата после случившейся перед клятвой размолвки. И прозвище на диво крепко прилепилось к юному Юрьевичу. Теперь Дмитрия звали Красавчиком практически все, отличая таким прозвищем от среднего княжича. Но звали без насмешки, даже с некоторой похвалой, так что паренек не обижался.

– Сегодня будем с мясом... – снова мурлыкнул Красавчик.

– Не сглазь, типун тебе на язык! – оглянулся на него отец. – После охоты веселиться станем.

– Это же просто загон, батюшка... – пожал плечами княжич.

В этот момент послышались громкий вскрик, треск и шум. Юрий Дмитриевич повернул голову на звук и увидел, как неподалеку со ржанием встали на дыбы две лошади, норовя скинуть с себя всадников. Еще один ратник пытался успокоить закружившего на месте коня.

Князь Звенигородский повел плечами, потянул из колчана сулицу с длинным граненым наконечником, перехватил ее посередине, скользнул взглядом по камышам. Заметил, как в нескольких шагах слева от седла побежала быстрая волна из густых темных кисточек, привстал на стременах и что есть силы метнул копьё туда – под самое основание коричневых стеблей.

Послышался полный боли визг, камыши стали ложиться набок, открывая небольшую полянку. Юрий Дмитриевич схватился за вторую сулицу, метнул. Затем третью.

Камыши перестали трещать, визг и хрюканье затихли.

– Здесь секач, секач! – закричали в середине кавалькады. – Вали его!

Но тут на дыбы поднялись кони в хвосте колонны.

– Поворачиваем!!! – во весь голос закричал князь. – Все поворачиваем! Идем на Мертвый луг! На луг!

Дружина услышала своего воеводу, потянула поводья. Однако в нескольких местах случилась заминка...

Охотники крутились на месте, вскакивали в стременах, водили сулицами, безуспешно пытаясь выследить шустрого и умного врага – низкого, коричневого, а потому совершенно невидимого в густых зарослях. И достаточно решительного, чтобы подбивать и перекусывать лошадиные ноги.

Но все же большинство всадников поскакали за князем в указанном направлении, со всей поспешностью пробиваясь через камыши.

– Расходимся! И вперед! – продолжал командовать правитель. – Расходимся!

Развернувшись в широкую цепь, галичане примерно через четверть часа вырвались на открытое место. Увидев внезапно появившихся охотников, кабаны, рывшие корни рогоза, разом сорвались с места, с громким хрюканьем уносясь под спасительные кроны ольховника. Бояре принялись метать сулицы – хрюканье тут и там сменилось визгом, жалобным скулежом, отчего уцелевшие звери помчались прочь еще быстрее... И вскорости охота прервалась за полным исчезновением дичи.

– Вот тебе и «будем с мясом», Красавчик! – в сердцах сплюнул Юрий Дмитриевич, обзревая изрытый клыками и потому совершенно черный луг. – В этом году сюда можно больше не показываться. Зверь уже не придет. Спугнули!

Однако младший из княжичей, далеко отставший от своего отца, правителя не услышал.

Властитель Галича задумчиво похлопал ладонью по опустевшему саадаку, спешил. Прошелся по черному, слабо похрустывающему месиву, стараясь больше ступать на лежащие рядом с поломанными стеблями листья рогоза. Мороз превратил их в мягкие темные тряпки, неотличимые от ила, – но пачкались они все-таки заметно меньше. Добравшись до туши крупной свиньи, Юрий Дмитриевич выдернул копьё, положил на плечо, поднял взгляд на умчавшихся вперед охотников.

Те уже уткнулись в лесные заросли и поворачивали коней. Особого восторга на их лицах заметно не было.

– Вот тебе и «будем с мясом», – снова вздохнул князь. – С кабанами никогда не знаешь, чем оно все закончится. То ли ты их, то ли они тебя. Умные, заразы, иным людям хитростью не уступят... Этого у них не отнять...

* * *

Итогом бесполовой охоты стали двадцать две добытые свиньи – и это почти на полтысячи охотников! И плюс к тому – три секача, убитых в камышах. Однако это – супротив четырех раненых скакунов и двух изрядно помятых ратников, каковых спасли от серьезных ран только предусмотрительно надетые кольчуги.

Учитывая обстоятельства, можно было считать, что в этой схватке победили кабаны.

Понятно, что после этакой «охоты» княжеская свита предпочла вернуться в город поздним-поздним вечером, стыдливо въехав в ворота детинца уже в полной темноте. Веселого пира по поводу развлечения в плавнях тоже не случилось – бояре молча разъехались по своим подворьям, стараясь не привлекать внимания припозднившихся горожан.

Князя Юрия Дмитриевича, также пребывающего в дурном настроении, двое факельщиков проводили до его покоев, возле которых обнаружили рыжего мальчишку, спящего прямо на полу, привалившись спиной к стене.

– Вот, княже, – хмыкнул стражник. – Сей отрок сказывает, гонец он из Москвы, грамота у него к тебе. Но свитка не кажет. Молвит, лично в руки, другим не доверит. Ждет.

Властитель Галича склонил голову набок. Один из его холопов пнул вестника ногой. Тот вздрогнул, поднял голову. Затем поспешно встряхнулся, вскочил:

– Княже Юрий Дмитриевич? Вот, сие тебе велено доставить...

Конопатый паренек сунул руку за пазуху, достал свиток выбеленной бумаги, просунутый в драгоценный перстень. Очень дорогой перстень, судя по тонкой работе и обилию самоцветов.

– Вот проклятье... Небось опять напасть какая-то случилась! – Князь Звенигородский положил ладонь на подбородок. Медленно провел пальцами по густой бороде и кратко распоряжился: – Накормить, напоить, попарить. Уложить.

– Как прикажешь, княже. – Один из факельщиков поманил гонца пальцем: – Пошли!

– А как же письмо? – не понял гонец.

Князь передернул плечами, забрал у него свиток, крепко сжав в кулаке, и толкнул створку двери. Пересек темную еще комнату и бросил послание на подоконник, тут же повернувшись к окну спиной, и еще успел заметить, как рыжего и конопатого мальчонку стражники с силой подталкивают прочь от дверей.

Слуги поспешно запалили от факела свечи и лампу. Как-то словно сами собой на столе оказались деревянный поднос с копченым сазаном, миски с курагой и яблоками, кувшин горячего сбитня. Факельщик, а вместе с ним и дворня скрылись, оставив в комнате лишь ближнюю свиту: верного боярина Олая Басманова, каковой за последние лет десять выбился в ближние княжеские слуги и был при правителе сразу и за конюшего, и за кравчего; престарелого слугу Волгу Базыковича – безбородого, бледнокожего и болезненно тощего. Боярин Волга числился сокольничим, отвечая в первую очередь за ловчих птиц, а заодно – так уж получилось – следил и за прочим обширным княжеским хозяйством, раскинувшимся окрест Галичского озера. И сверх того – розовощекого спальника лет двадцати и двух юных стольников.

– Что-то я и вправду проголодался, – вдруг решил Юрий Дмитриевич, сел к столу. Разломил рыбину, отделил крупный шмат со стороны спины. Не спеша прожевал, выбирая тонкие косточки. Затем съел еще кусок, отодвинул поднос. Один из стольников протянул ему полотенце, второй наполнил серебряный кубок пряно пахнущим горящим сбитнем.

Правитель вытер ладони, затем выбрал яблоко, еще одно. Черпнул горсть кураги, отправил в рот. Запил все сбитнем, отвел руку.

Слуга тут же снова наполнил кубок.

Юрий Дмитриевич опять выпил и поднялся.

Скромная свита прошла в опочивальню вместе с ним. Постельничий и стольники сняли с повелителя одежду, облачили в ночную сорочку, откинули перед ним одеяло.

Князь Звенигородский опустился в перину, позволил себя укутать – и приподнял голову:

– Олай, ты чего это там затеял?

– Ну так, первому слуге в ногах спать полагается! – ответил боярин Басманов.

– Не морочь мне голову, ступай к себе! – откинулся на подушку правитель. – И Волге тоже скажи, чтобы в горнице не укладывался. Мы не в Москве, где Великий князь каждой тени боится, в моем доме мне ничего не грозит. Караульных в коридоре хватит за глаза и за уши. А вы ступайте жен своих ласкать. Служба не убежит.

Властитель Галича глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Но сон не шел...

Московское письмо, зажатое призрачно знакомым перстнем, при прикосновении обожгло его руку, словно попавший на ладонь уголек. Словно бы острые искры пробежали по жилам, пронзили сердце и резко всколыхнули память. С неправдоподобной отчетливостью непобедимый воевода увидел Софью прямо перед собой, совсем рядом, ощутил на себе ее дыхание, вдохнул ее запах. Его любимая словно бы шагнула в комнату из его памяти, встала прямо перед ним на расстоянии вытянутой руки. Не та, юная, с каковой судьба свела его на безлюдной колокольне, а таковая, какой она оказалась минувшей весной. Та, которую он снова увидел после долгих лет разлуки.

Увидел – и отверг, с кровью и мясом вырывая собственное сердце...

Теперь же она снова стояла перед ним, сотканная из памяти. Уже не столь юная – но столь же невыносимо желанная.

Нет, даже более желанная, нежели в далеком прошлом!

Вестимо, потому, что теперь его любимая стала запретной...

И с того мгновения каждый день и каждый час, прожитый за прошедшие месяцы, князь Звенигородский сомневался в правильности своего поступка...

Да, конечно, – по закону, по совести, по чести, по холодному рассудку этот поступок был правильным. Негоже позорить жену своего брата, негоже касаться ее волос, пропуская их сквозь пальцы, шептать на ушко всякие нежности, целовать шею и плечи, гладить бедра, обжигать дыханием ее живот, срывать цветы наслаждения, холить и лелеять. Иными словами – бесчестить.

Князь Звенигородский все сделал правильно!

Вот только этим решением Юрий Дмитриевич буквально разорвал пополам свое сердце. Разорвал по живому – и оно до сих пор болело, кровоточило, не заживало!

Полгода, почитай, прошло с того момента. И вроде как мысли князя начали наконец-то потихоньку успокаиваться, боль стала отпускать, думы – уходить, меняться, отвлекаться на иные заботы...

И вот на тебе – письмо!

Властитель Галича повернулся на один бок, потом на другой. Подбил подушку, изогнулся удобнее. Полежал так. Снова повернулся на спину. Вывернулся на живот. Откинулся на спину.

И открыл глаза.

Письмо звало, манило его. Князь словно бы слышал его шепот, его зов. Он видел заветную грамоту сквозь толстую бревенчатую стену.

– Да Карачун его побери!!! – Юрий Дмитриевич резко поднялся, отбросил одеяло, вышел в соседнюю комнату. И замер в полной темноте.

Опустив руку, прошел вдоль стены, пока не ощутил тепло печи, нащупал и открыл дверцу. В слабом, почти бордовом свете углей нашел свечу, раздул один из угольков, запалил фитиль. С этим одиноким огоньком подступил к подоконнику, забрал свиток. Зубами стянул с него перстень и кое-как развернул. Прижал пальцами к слюде, быстро пробежал короткое послание глазами. Грустно усмехнулся, позволил бумаге свернуться, уронил на подоконник, положил перстень рядом. Вернулся обратно в опочивальню, задул свечу, лег в постель и мгновенно заснул.

И снилось князю, как он сидит в своем кресле перед окном на озеро. Просто сидит и смотрит. Там, впереди – лето. Катятся волны, носятся чайки, цветут лилии. Плывут облака.

Рядом стоит точно такое же кресло. В нем сидит Софья. Но на сей раз та, каковой она была пятнадцать лет назад. Молча сидит и смотрит в окно.

Просто сидит и смотрит.

Однако же во время этого невинного сна Юрий Дмитриевич впервые ощутил себя совершенно счастливым.

И потому утром, едва открыв глаза, первым делом приказал постельничим призвать сыновей пред свои очи.

Один из подворников тут же убежал исполнять приказ, в то время как двое других продолжили поднимать правителя из постели: сняли ночную сатиновую рубаху, накинули исподнюю шелковую, затянули ленточки под горлом, подали исподние порты, завязали на поясе и на щиколотках, затем принесли синие атласные шаровары, парчовую с лисьим подбоем ферязь длиною до колен...

От шубы Юрий Дмитриевич решительно отмахнулся – и без того тепло. Чай, не на пир или суд собирается, не на двор и не в святилище!

Последними князю подали тапочки без задников и небольшую войлочную стеганую тафью. Вернее, это была подаренная кем-то из купцов самаркандская тюбетейка с золотым шитьем и россыпью мелких самоцветов. Да токмо кто их, кроме самих мастеров-тюбетейщиков, отличит?

Покуда Юрий Дмитриевич облачился, покуда ополоснул лицо прохладной водой из стоящего под зеркалом из полированного серебра кувшина, покуда промочил горло горячим пряным сбитнем, закусив его пряженцем с грибами, – прошло заметное время. Посему властитель Галича не проявил гнева, когда княжичи – сонно хлопающие глазами, с опухшими лицами и пахнущие перегаром – явились пред его очами токмо около полудня.

Юрий Дмитриевич лишь удивленно вскинул брови и ехидно полюбопытствовал:

– Никак, намерен праздновать? По какому поводу радость, коли не секрет?

– Взгрустнулось, батюшка, – ответил за всех старший княжич. – Как-то не сложилось вчера с охотой-то. Позорище одно, а не удадьство. Ты вон целых трех кабанов положил, а мы все токмо хрюканье издавеча услышали. Обидно... Ну, мы с братьями, потому как поздно было, вместе в трапезную пошли подкрепиться. Медку выпили, поговорили... Слово за слово, мысли да рассказы. Так бочоночек и приговорили. Опосля еще один. А опосля и не считали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.